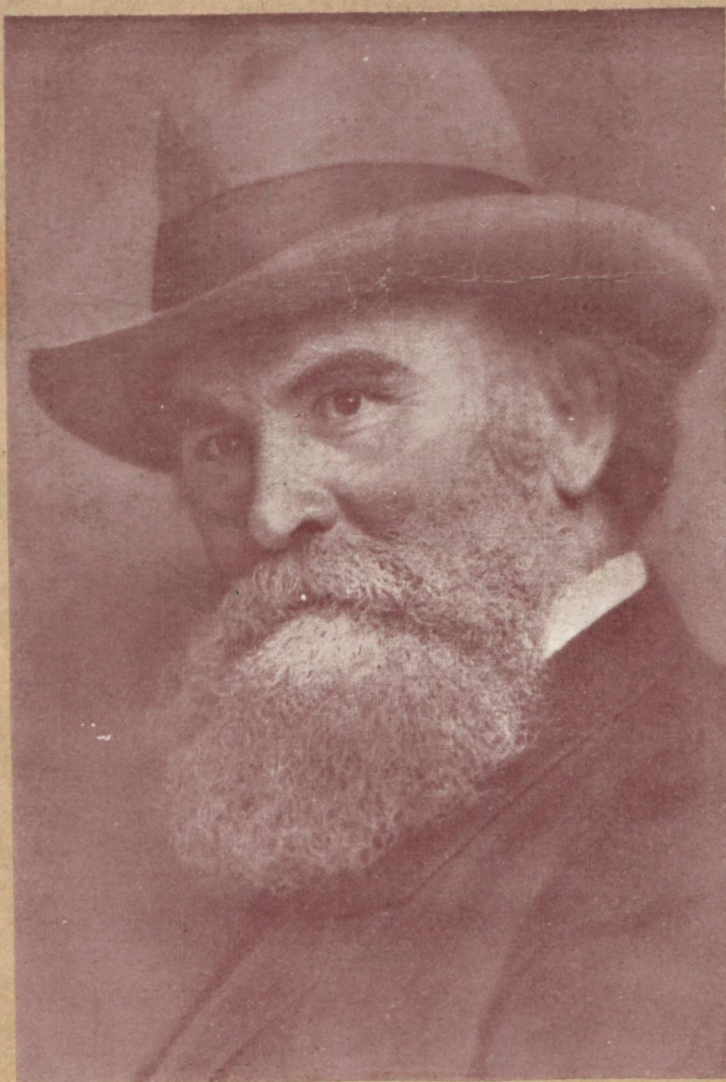

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕРЪ.

Эпиграфъ для
„Колосевъ“.

Я не социалистъ-революціонеръ и не социаль-демократъ. Я просто беспартийный писатель, выступающій о правъ и свободъ всѣхъ гражданъ нашего отечества, выступающій въ качествѣ партизана всюду, гдѣ встрѣчаю нарушение права и свободы. Обще-социалистическій строй моихъ убежденій не мѣшаетъ мнѣ признать, что среди того рокового генія страшныхъ общихъ вещей, отъ которыхъ теперь исчезло достоинство и честь, задронное положеніе и блаженіе Россіи, есть ошибки большевизма, но и дру-томъ числѣ социалистическихъ партій. Но все таки первоисточникомъ нашихъ бѣдъ я считаю слѣпую реакціонность прежняго строя. Внутреннія силы страны послѣ освобожденія крестьянъ нарастали, а мертвыя формы реакціоннаго царизма сковывали этотъ ростъ. Мудрено ли, что мы дожили до страшнаго взрыва? Я не считаю себя политикомъ и не вмѣши-

Владимиръ Галактіоновичъ Короленко.

15 (27) іюля 1853 года — 15 (28) іюля 1918 года.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.

Сорокъ лѣтъ литературно-общественной дѣятельности.

ваюсь никогда въ вопросы политической тактики. Но мнѣ хотѣлось бы обладать достаточно громкимъ голосомъ, чтобы сказать властителямъ данной политической ситуаціи:

Не повторяйте страшныхъ ошибокъ прошлаго! Признайте, что въ немъ было много страшной неправды, а въ революціи не все же однѣ ошибки. Признайте законность многихъ стремленій слишкомъ долго подавляемыхъ массъ и старайтесь ввести эти стремленія въ русло новаго закона и новаго права... Не загоняйте новыхъ общественныхъ силъ въ темныя и мрачныя подполья, потому что это губительно. Пусть онѣ дѣйствуютъ на здоровомъ солнечномъ свѣтѣ, съ сознаниемъ ответственности и права, въ атмосферѣ закономѣрнаго соревнованія съ другими общественными силами и свободой.

Иначе — новое потрясеніе, а, можетъ быть, и конечная гибель“.

В. Г. Короленко.

Полтава,
Іюль 1918 г.

79411

ОДЕРЖАНІЕ:

Владимиръ Галактіоновичъ Короленко — *Феликсъ Конъ*. В. Г. Короленко въ Полтавѣ — *Валентинъ Рожицынъ*. Варианты рассказовъ В. Г. Короленко — отрывки изъ рассказа „Ночью“ и этюда „Морозъ“. В. Г. Короленко какъ художникъ — В. Р. Біографія В. Г. Короленко — К. О. Н. Что это? — статья В. Г. Короленко. На пристани — неизданный отрывокъ В. Г. Короленко. Изъ воспоминаній о В. Г. Короленко — *Христина Гринбергъ-Конъ*. Рисунки и автопортретъ В. Г. Короленко, впервые появляющ. въ печати. Неизданные портреты и фотографіи, факсимиле первой стр. этюда „Морозъ“ и ин. др. рисунковъ.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ „СОЮЗБАНКЪ“

ХАРЬКОВЪ, НИКОЛАЕВСКАЯ ПЛОЩ., № 9 (ПРОТИВЪ БИРЖИ) — ТЕЛ. 44-07 и 42-81.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ
ВКЛАДЫ, ТЕКУЩІЕ СЧЕТА, ПЕРЕВОДЫ, АККРЕДИТИВЫ, ИНКАССО.

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ %	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ %
б) По вкладамъ: до востребованія	5%	„ 2 года	5 ¹ / ₂ %
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5%	свыше 2 лѣтъ	по соглашенію.

ВЪ ЦѢЛЯХЪ ПРЕДОСТАВЛЕНІЯ ПУБЛИКѢ УДОБСТВЪ

СОЮЗОМЪ ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНІЕ

уголь Николаевской пл. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО
СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ

„СОЮЗЪ“

ХАРЬКОВЪ, МОСКОВСКАЯ УЛИЦА, 18. :: ТЕЛЕФОНЪ 42-81.

ХАРЬКОВСКИЙ Кредитный Союзъ Кооперативовъ издаетъ для народа книги по разнообразнымъ отраслямъ знаній на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Книги издаются по исторіи Украины, природовѣдѣнію, сельскому хозяйству, политикѣ, коопераціи; школьные учебники для русской и украинской школы, пособія для учителей, статьи и книги для дѣтей на русск. и украинск. языкѣ. Издаваемая Союзомъ литература общедоступная по цѣнѣ и имѣетъ цѣлью поднятіе народнаго сознанія и необходима для просвѣтъ, народныхъ библиотекъ и кооперативовъ.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

Исторія Слободської України.

308 стр. з 71 малюнками і 2-ма мапами.

Ціна 6 руб.

проф. Д. І. Багалій.

Короткий нарис української мови,

Ціна 1 р. 25 к.

О. Н. Синявскій.

Мѣстные финансы, - - - - А. П. Марковъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Начерк розвитку української літературної мови,

Ціна 1 карб.

проф. М. Ф. Сумцовъ.

Древнѣйшая цивилизація в Европѣ,
(Критско-Микенская культура).

Цѣна 2 р. 50 к.

проф. В. Бузескулъ.

Въ іюлѣ выйдутъ изъ печати и поступятъ въ продажу:

Хрестоматія по українській літературі. Ч. І.

проф. М. Ф. Сумцовъ.

Школьное дѣло у древнихъ грековъ,

(по новымъ даннымъ)

проф. В. П. Бузескулъ.

Народный Домъ, его задачи и обществен. значеніе.

проф. В. Я. Данилевск. и А. А. Богомоловъ.

Природа и Населеніе Слободской Украины, Харьковск. губ.,

(Пособіе по родиновѣдѣнію).

проф. В. И. Таліевъ, пр.-доц. А. С. Оедоровскій,

Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ и др.

Птицы—друзья человѣка, - - - - Г. А. Брызгалінъ.

Кредитъ и его роль въ народномъ хозяйствѣ,

проф. М. Н. Соболевъ.

Товаровѣдѣніе (пособіе для кооператив. школъ и курсовъ),

Н. А. Классенъ.

Азбука для взрослыхъ. - - - - Рахмановъ-Николаевъ.

Бумажные деньги. - - - - І. А. Трахтенбергъ.

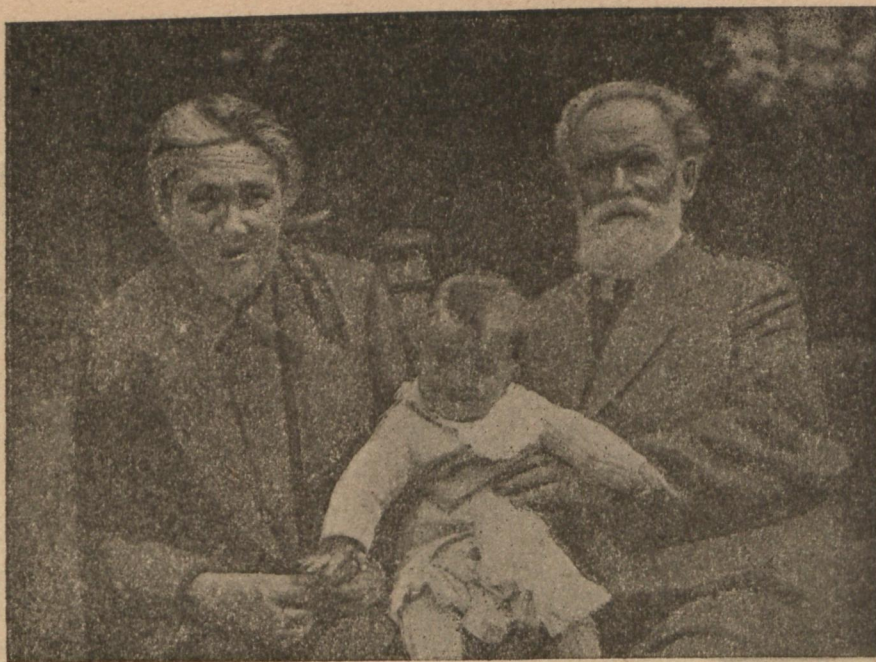
Состояніе и развитіе русскаго сельскаго хозяйства

по даннымъ ж.-д. перевозокъ и переписи 1916 г. А. Н. Челинцевъ.

Кооперація въ Галичинѣ.

И. М. Хоткевичъ.

ЗАКАЗЫ НА ИЗДАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ „СОЮЗЪ“ МОСКОВСКАЯ УЛ., № 18.

В. Г. Короленко въ Лорденнахъ, около Тулузы.

(1915 г., неиздано).

Ва. Таа. Короленко.

„Изъ мрачнаго края суровыхъ мятелей,
Изъ юртъ неприглядныхъ, изъ тундры скупой
Принесъ онъ гирлянды живыхъ иммортелей —
Чарующихъ образовъ рой.
Какъ сердце онъ намъ охлажденное грѣть,
Въ тьму жизни лить ласковый свѣтъ!“

Этими прочувствованными словами привѣтствовалъ В. Г. Короленко поэтъ-каторжникъ П. Ф. Якубовичъ-Мельшинъ 15 лѣтъ тому назадъ, на юбилейномъ банкетѣ 14 ноября.

Быть можетъ, эти строки многихъ не удовлетворяли.. Короленко, одинъ изъ славной плеяды ратниковъ-борцовъ за двуетдиную правду, за правду — истину и правду — справедливость, по выраженію того же Якубовича, „влюбленный въ правду и честь“, въ теченіе 35-лѣтней службы своей на славномъ посту приносилъ „иммортели“ не только изъ тундръ, — онъ всюду находилъ безсмертное въ людяхъ — *человѣческую душу*, куда бы его ни забрасывала судьба, къ русскимъ ли кустарямъ, или къ американскимъ рабочимъ, въ еврейскую лачугу въ предѣлахъ современнаго гетто, въ царскій ли острогъ, въ станицы ли казацкія или въ якутскую юрту. Онъ былъ человѣкомъ, и умѣлъ въ каждомъ, даже самомъ преступномъ человѣкѣ, находить живую душу, не могъ не откликаться на боли и страданія этой души и, показывая эту живую душу въ каждомъ человѣкѣ, этимъ самымъ, своими картинами, своимъ живымъ словомъ боролся за нее, взывалъ къ пониманію, къ храненію и береженію ея.

Эту живую душу Короленко отстаивалъ всюду... Чуткій къ малѣйшей обидѣ и гнету, переживающій чужія страданія, словно свои собственные, человѣкъ, который, подобно Мицкевичевскому Конраду, могъ бы сказать о себѣ: „я — миллионъ, потому что я за миллионы испытываю страданія и муки“, Короленко художникъ и публицистъ, крупный общественный дѣятель и борецъ, на всѣхъ исприцахъ отстаивалъ одно и то же — правду и честь, и за эту правду и честь всегда готовъ былъ идти на смерть и на муки...

Якубовичу, почти сверстнику Владимира Галактионовича, такъ же, какъ и онъ, спѣшившему туда, „гдѣ горе слы-

шится, гдѣ тяжело дышится“, показавшему намъ человѣка съ живой душой подъ затвердѣвшей скорлупой „отверженнаго“ каторжника, шедшему по той же тернистой дорогѣ, по которой шелъ и Короленко, къ *своей правдѣ*, быть можетъ, труднѣе было, чѣмъ кому-либо другому, изобразить въ краткомъ, посвященномъ Короленко стихотвореніи эту черту апостола „вѣчно человѣческаго“ въ человѣкѣ...

По ассоціаціи идей каждый рассказъ Короленко, каждый его образъ не могъ не напоминать Якубовичу тѣхъ, чьи могилы заброшены въ далекой Сибири, которымъ „возврата ужъ нѣтъ“... И этимъ Короленко становился для него дорожке, милѣе, ближе...

Почти сверстникъ Вл. Г.—а, переживающій, какъ мнѣ кажется, подобное же чувство, я и не пытаюсь дать характеристику всей дѣятельности дорогаго юбиляра.

Картины прошлаго, воскресающія въ памяти, заволакиваютъ рѣзкіе контуры дѣятельности заслуженнаго писателя и толкаютъ мысли въ совершенно другую сторону...

Воскресаетъ слабо освѣщенная камера каторжной тюрьмы...

На Карѣ...

Получены новые журналы...

На произведенія болѣе любимыхъ писателей назначена очередь...

Въ эту очередь, рядомъ съ Салтыковымъ-Щедринымъ, Гл. И. Успенскимъ и Михайловскимъ, внесенъ — тогда еще юный, но на Карѣ причисленный къ этой крупной плеядѣ — Короленко... Всѣмъ не терпится... Надо скорѣе прочитать и передать дальше, въ слѣдующую камеру...

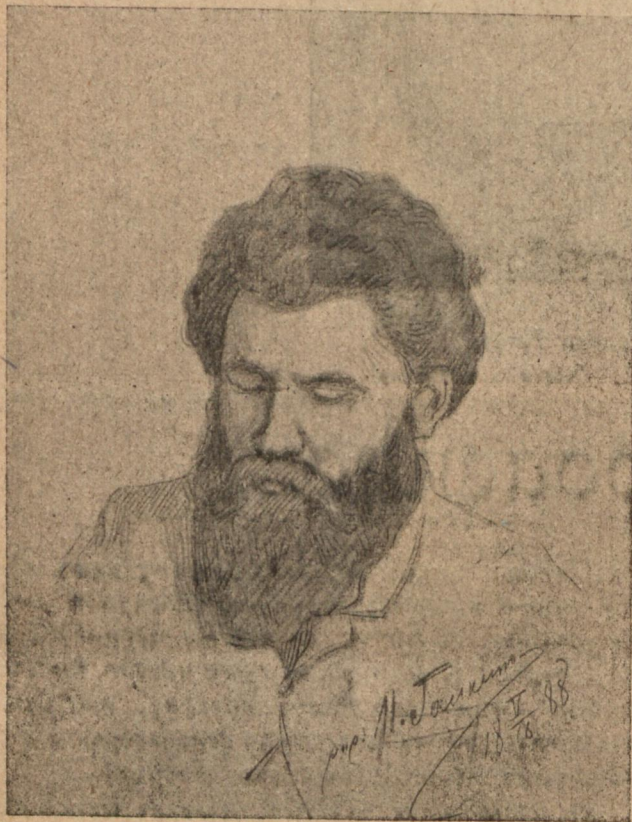
Весь нормальный порядокъ дня нарушается сразу магическимъ сообщеніемъ:

— Сегодня у насъ Щедринъ, или

— Сегодня у насъ Короленко.

„Сиріусы“, встававшіе въ 2-3 часа ночи, когда надъ полями восходилъ Сиріусъ, не ложатся спать, „вечерники“ не принимаются за обычныя занятія...

Камера превращается въ аудиторію, и Ив. Вас. Калужный или Адрианъ Михайловъ читаютъ вслухъ... И волны страдальческой жизни вливаются въ душныя, затхлыя камеры отгороженного отъ всего живого міра „мертвого дома“, и у многихъ слушателей, прошедшихъ уже и чрезъ пекло Петропавловской крѣпости или Бѣлгородскаго централа судьба маленькой Маруси („Въ дурномъ обществѣ“), изъ которой подземелье высасываетъ до послѣдней капли живую жизнь, выжимаетъ изъ глазъ тщательно скрываемую отъ товарищей слезу...

В. Г. Короленко въ 1888 г. — рис. карандаш. М. Галкинъ.
(Изъ собр. В. Г. Короленко, неиздано).

Врядъ ли это была только дань узниковъ таланту писателя-товарища...

Тутъ было еще что-то... Короленко былъ „сверстникомъ“ заключенныхъ, братомъ по духу, своими рассказами онъ игралъ на родственныхъ струнахъ души узниковъ уже самими сюжетами... Онъ изъ живого міра, но непременно того, „гдѣ тяжело дышится, гдѣ горе слышится“, приносилъ въ „міръ мертвыхъ“ отзвуки этого горя, но вмѣстѣ съ тѣмъ отзвуки вѣчно живой вѣры въ то, что это горе не безконечно, что оно пройдетъ, исчезнетъ, такъ какъ на живой человѣческой душѣ есть только виѣшний налетъ испорченности и разврата, внутри же она продолжаетъ оставаться чистой, надо только умѣть заглянуть внутрь, понять и откликнуться на ея боли...

Жившая только отзвуками жизни, а не самой жизнью, наша каторжная тюрьма реагировала на прочитанное сильнѣе, чѣмъ люди на волѣ, гдѣ смѣна впечатлѣній была быстрой, гдѣ „мелочи жизни“ отвлекали мысль въ совершенно другую сторону. И обыкновенно, какъ только чтеніе кончается, въ до того молчаливой, сосредоточенной на чтеніи камерѣ разгорается оживленный споръ, обмѣнъ впечатлѣніями, оцѣнка прочитаннаго...

Только рассказы В. Гаршина и Короленко не вызывали такого эффекта... Голосъ читавшаго уже давно умолкъ — а въ камерѣ все продолжало парить сосредоточенное молчаніе...

Иной разъ лишь на слѣдующій день разгорались бесѣды и споры о прочитанномъ. Какъ у Мицкевича „охотникъ думалъ, что рожокъ все еще играетъ, а это играло эхо“, такъ и мы уже не слышали словъ рассказа, но онъ все еще игралъ на струнахъ нашихъ душъ.

Но впечатлѣніе, производимое этими двумя, тогда еще молодыми писателями, было не одинаково, и сторонниковъ Гаршина, къ которымъ принадлежалъ вначалѣ и П. Ф. Якубовичъ, было немного, и они постепенно переходили въ ряды сторонниковъ Короленко. Тутъ не было противопоставленія Короленко Гаршину... Въ этомъ сравненіи не было даже оцѣнки таланта того и другого писателя. Тутъ было нѣчто совершенно иное, хотя, быть можетъ, нами тогда не осознанное, то, что для меня лично стало яснымъ только много лѣтъ спустя, когда я прочиталъ Короленковскіе „Огоньки“... У Гаршина не было впереди этихъ „Огоньковъ“, свѣтившихъ издали среди дикихъ жизненныхъ скалъ и утесовъ живымъ свѣтомъ вѣры и надежды въ свѣтлый исходъ борьбы, „огоньковъ“, вливающихъ вѣру и бодрящихъ, заставляющихъ налегать на весла, чтобы вывести утлую ладью изъ тѣснаго ущелья на широкій просторъ.

Этой вѣрой былъ намъ дорогъ Короленко...

„А добрый сонъ пришелъ,
И узникъ сталъ царемъ“...

Этимъ „добрымъ сномъ“, бодрящимъ и закаляющимъ, сномъ-грезой о новой борьбѣ, о торжествѣ правды-справедливости были для насъ рассказы Короленко.

Необычна эта моя статья о маститомъ писателѣ, но я почти не могу отрѣшиться отъ нахлынувшихъ на меня воспоминаній и давно пережитыхъ впечатлѣній, изъ которыхъ у меня составилъ образъ того дорогого Короленко, который я и желалъ бы изобразить передъ читателемъ, образъ писателя, именно изъ-за этой неустанной и непрерываемой, въ теченіе 35 лѣтъ борьбы, вѣры являвшагося и являющагося „сверстникомъ“ смѣнявшихся одно за другимъ поколѣній.

Но на ряду съ этой вѣрой есть въ Короленко еще одна черта, дѣлающая его намъ всѣмъ дорогимъ, черта, проходящая красной нитью во всей его дѣятельности, быть можетъ, вынесенная имъ изъ „пустыни, гдѣ шепчется вьюга съ тайгой, гдѣ блѣдное солнце не радуется глазъ“, изъ „юртъ неприглядныхъ“, изъ „тундры скупой“.

Заброшенный нѣсколько лѣтъ спустя въ ту самую вѣчно мерзлую страну, гдѣ до днесь и русскіе и якутскіе „Макары“ при всякой невзгодѣ обращаются къ посредничеству шамана-ходатая за безпомощныхъ, обижаемыхъ и оскорбляемыхъ передъ духомъ зла, я — да извинить меня В. Г. за это сравненіе — въ немъ видѣлъ такого шамана угнетенныхъ, обездоленныхъ, безпомощныхъ въ борьбѣ и подвергающихся опасности быть этой борьбой раздавленными. Уже во „Снѣ Макара“, когда Макарь отчитывается въ своихъ дѣяніяхъ передъ судомъ Великаго Тойона — Бога, — заступникъ его и защитникъ подсказываетъ ему, что ему бросать на вѣсы для того, чтобы всѣ его „преступленія“ стали понятными, чтобы чаша его мукъ и страданій перевѣсила чашу его „вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній“... Мнѣ пришлось видѣть и самого „Макара“ (въ дѣйствительности — „Захара“), который не безъ гордости, зная откуда-то, что Короленко обезсмертилъ его, сообщилъ мнѣ объ этомъ... Врядъ ли и по выслушаніи рассказа о себѣ, и по истолкованіи его ему, онъ понялъ весь глубоко-гуманный смыслъ рассказа... Но на стражѣ его интересовъ на судѣ Улаханъ-Тойона — Великаго Господа стоялъ авторъ рассказа, тотъ самый Короленко, который, если меня не

обманывает память, самъ когда-то въ одной изъ рѣчей на судѣ, по моему, лучше и вѣрнѣе всѣхъ, писавшихъ когда-либо о немъ, обрисовалъ самого себя. Объясняя, почему онъ, не юристъ, выступаетъ защитникомъ по дѣлу, Короленко представилъ психологію человѣка, присутствующаго при томъ, какъ на другого человѣка (или на группу людей) обрушивается скала, подъ которой тотъ неминуемо долженъ погибнуть. Этой скалы не удержать руками, а все же поднимаешь руки и пытаешься удержать движущуюся каменную глыбу.

Вл. Гал-чу, пережившему періодъ жесточайшей реакціи во времена Александра III, пережившему кошмарное время еврейскихъ погромовъ, душенія всего живого, завѣдомо ложныхъ обвиненій цѣлаго вятскаго племени въ каннибализмъ, всего еврейства въ ритуальныхъ убійствахъ, пережившему лихолѣтіе надѣвательства и глумленія надъ заключенными въ тюрьмахъ, квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ казней, попиранія въ людяхъ ихъ человѣческаго достоинства, сѣченія крестьянъ, рабочихъ и даже заключенныхъ въ тюрьмахъ женщинъ, — то и дѣло приходилось поднимать кверху руки, чтобы предохранить обреченныхъ на гибель жертвы отъ обрушивающейся на ихъ головы каменной скалы царизма. Вооруженный только вѣрой въ правоту своего дѣла, Короленко, какъ олицетвореніе русской совѣсти, являлся всегда, гдѣ эта надреснутая скала угрожала раздробленіемъ своихъ жертвъ... И въ знаменитомъ Муштанскомъ дѣлѣ, и въ своихъ открытыхъ письмахъ къ различнымъ вершителямъ судебъ російскихъ гражданъ, и на процессѣ Бейлиса, гдѣ одно его появленіе было встрѣчено, какъ радостный залогъ того, что Россія, въ лицѣ суда присяжныхъ, не опозоритъ себя передъ всѣмъ міромъ, и уже во время нынѣшней войны, когда онъ своимъ мощнымъ словомъ выступилъ на защиту невинно-осужденныхъ на каторгу за мнимое шпіонство на основаніи показаній фактivelyнаго шпіона, и даже во время революціи, когда онъ выступилъ съ протестомъ противъ огульныхъ обвиненій знакомыслящихъ, но искреннихъ революціонеровъ въ про-
дажности...

Всюду и всегда вся мыслящая и слѣдящая за событиями Россія могла видѣть эти простертые навстрѣчу падающей скалѣ руки Владимира Галактионовича.

Въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ чести и правды, для него не было ни іудея, ни эллина, ни друга, ни недруга... Былъ лишь человѣкъ, его страдающая душа...

Вчитайтесь въ строки, приведенныя нами, какъ эпиграфъ, въ настоящемъ номерѣ „Колосъевъ“, — строки, написанныя уже въ іюлѣ с. г., когда противъ большевизма, возмущались всѣ, когда рѣдко въ комъ по отношенію къ большевикамъ просыпается другое чувство, кромѣ гадкаго отвѣстительнаго:

— Распи, распи его!

Короленко и въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, поднимаетъ руки на защиту.

— Не во всемъ виноваты большевики!

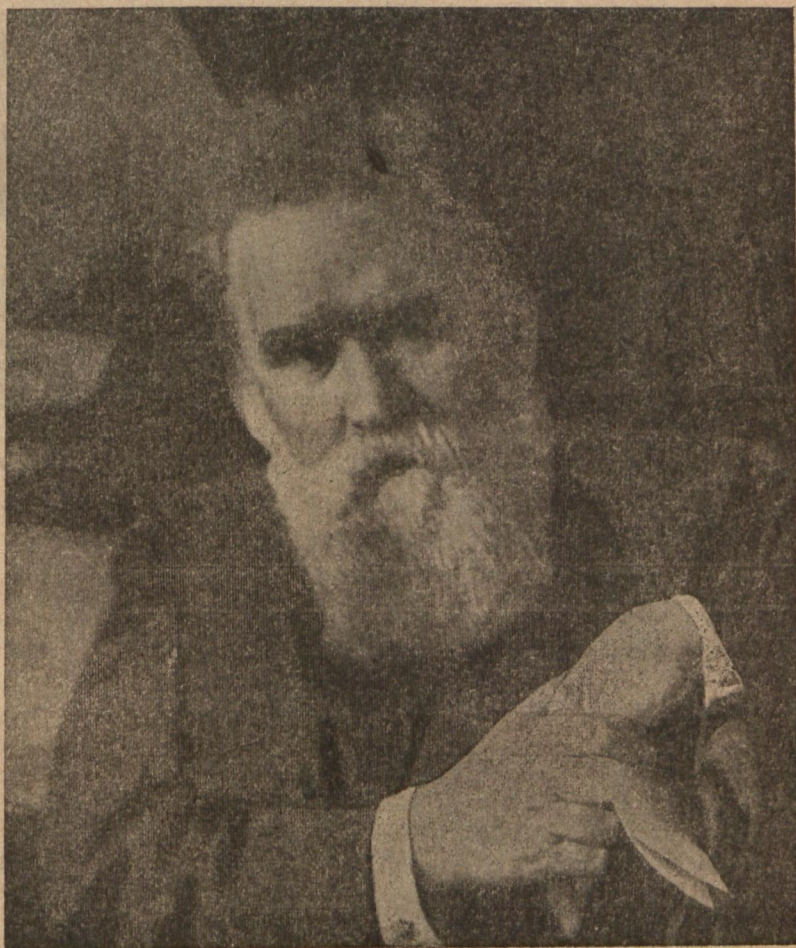
Короленко не связываетъ съ большевизмомъ ничего, и почти ничего...

Многія его завѣтныя мечты ими попораны, многія его святыни ими осквернены, люди, съ которыми онъ связанъ идейной и даже личной близостью, — подверглись со сто-

роны большевиковъ поруганію... Но все это не можетъ, органически не можетъ, вліять на отношеніе къ чинимой имъ обидѣ...

Таковъ Короленко!

Почти сверстники, мы жили въ разныхъ условіяхъ... Объективныя условія жизни каждаго изъ насъ привели къ другимъ выводамъ, сказались и различными взглядами на жизнь, вызвали разницу въ нашихъ убѣжденіяхъ...

В. Г. Короленко въ 1913 г.

фот. Старицкаго. Полтава.

Онъ — народникъ... Я — марксистъ... Онъ склоняется къ патріотизму, я — интернаціоналистъ... И тѣмъ не менѣе, въ моментъ, кода мнѣ приходится привѣтствовать его въ великій для всей Россіи день его юбилея, я, живой свидѣтель его свѣтлой дѣятельности, почти что насильно, во избѣжаніе могущаго возникнуть въ читателѣ недоумѣнія, заставляю себя вспомнить и сказать объ этомъ, до того близокъ мнѣ и сотнямъ такихъ, какъ я, марксистовъ Владимиръ Галактионовичъ.

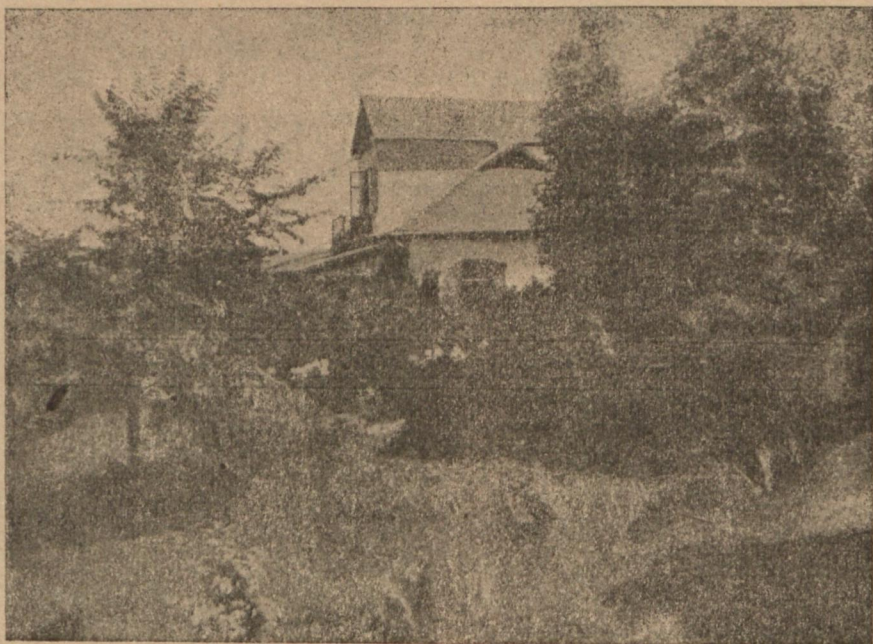
На Россію въ моментъ его юбилея надвинулись грозныя тучи... Многіе приходятъ въ отчаяніе, какъ будто забывая о томъ, что не погибнетъ, не можетъ погибнуть страна, которая создала такихъ людей, какъ Владимиръ Галактионовичъ Короленко.

Многая, многая лѣта!

Авторъ „Огоньковъ“ самъ въ этотъ моментъ становится залогомъ возрожденія, огонькомъ, свѣтящимъ издали, вдохновляющимъ на трудъ и борьбу!

Феликсъ Конъ.

Дача В. Г. Короленко „Хатки“, около Сорочинцевъ, Миргор. уѣзда.
(Неиздано).

В. Г. Короленко въ Полтаву.

РАНИМЪ юльскимъ утромъ, когда вся Полтава еще безлюдна и дремлетъ подъ ослѣпительнымъ бѣлымъ солнцемъ безъ зноя послѣ ночного дождя, просыпаются церкви.

Неуклюже взобрались на пригорки православные купола въ купеческомъ грубомъ стилѣ, и громко кричатъ мѣдными голосами пустымъ улицамъ, спящимъ домамъ. Неумѣстно и ненужно въ утренней тишинѣ звонятъ хриплые колокола, говоря о томъ, что сегодня—праздникъ.

Вдоль тополевого бульвара, гдѣ на листьяхъ еще дремлютъ брилліанты влаги, какъ слезы, сжигаемыя утреннимъ солнцемъ, тянется рядъ одинаковыхъ, маленькихъ домиковъ. Въ ихъ ряду—высокія темныя двери католическаго собора. Внутри благостно зажжены свѣчи, слышенъ тонкій ароматъ куреній, печально-тихъ и задумчивъ органъ. Польскія дѣвушки въ бѣломъ, съ матовыми строгими лицами медленно идутъ къ собору.

Возлѣ лавочки—два спекулянта, въ подтяжкахъ, полуодѣтые и сонные, о чемъ-то спорятъ, размахивая руками, какъ воробы на солнцѣ... Рѣдко гдѣ открыты окна. Главныя улицы совсѣмъ вымерли. Полупустые, много разъ, должно быть, разоренные магазины пугливо и слѣпо глядятъ своими витринами, закрытыми досками, ставнями, болтами.

Но возлѣ вокзала уже начался полный день. Тянутся съ поѣзда вереницы прїѣзжихъ, вьется пыль подъ пролетами, угрюмо торчатъ обугленные сваи сожженнаго большевиками моста черезъ Ворсклу. Два германскихъ часовыхъ, съ красными флагами (какая иронія!), управляютъ движеніемъ телѣгъ по новому одноколейному мосту, и сверху изъ города спѣшатъ къ рѣкѣ купаться еще сонныя провинціальныя дѣвицы.

По однообразно зеленомъ, увѣнчанномъ высокими тополями улицамъ ведетъ всѣмъ хорошо знакомый путь къ

дому В. Г. Короленко. Одноэтажный темный фасадъ выходитъ въ зеленую тѣнь улицы. Около простирается не то лаванда, не то пышный лѣсъ, ворвавшійся въ предѣлы города и льющий крѣпкіе ароматы сочной отъ дождей полыни, бурьяновъ и остро пахнущей берестовой коры.

Звонокъ... Открываютъ сейчасъ же и впускаютъ, какъ люди, не боящіеся посѣтителей, всегда радушные. Галлерей уже успѣла сквозь свои стекла напитаться утреннимъ солнцемъ до зноя. Большія стариковскія кресла и дѣтскія игрушки, бѣлыя лѣтнія скатерти на столахъ и темныя ряды книгъ на полкахъ въ библіотекѣ, простирающей свои вѣтви по всему дому. „Былое“, „Лѣтопись“, полные комплекты старыхъ и новыхъ журналовъ.

Конечно, здѣсь живетъ В. Г. Короленко...

Домъ съ большими старыми комнатами полонъ нѣжнаго утренняго сумрака и тишины. Повсюду—тонкій глубокой ароматъ какой-то задумчивости, книжной пыли и спокойной мудрости.

Такой же точно ароматъ я слышалъ въ кабинетѣ другаго мудраго и стараго человѣка, углубленнаго въ демократическія видѣнія далекой эллинской красоты,—профессора В. П. Бузескула. Въ домѣ В. Г. Короленко демократическія воспоминанія прошлаго неуловимо сливаются съ социалистической бурной современностью, но какой-то незримо вѣющей духъ примиренія облакаетъ всѣ страсти въ бѣлыя ризы спокойствія и гармоніи.

Въ большой столовой также властвуютъ шкапы съ книгами. На стѣнахъ портреты—тихая исторія жизненныхъ воспоминаній, начиная съ блекло-желтыхъ дагерротиповъ и кончая глянцево-нарядными фотографіями сегодняшняго дня.

Высокая строгая женщина, съ бѣлыми сѣдыми волосами разливаетъ чай изъ непочтительно-шумнаго озабоченнаго

амовара. Быстро, беззвучно входитъ въ комнату В. Г. Короленко.

Ни одинъ портретъ его не передаетъ въ точности его фигуры. Прекрасная большая голова, обрамленная волной густыхъ сѣдыхъ волосъ и мягкой, свободно падающей, тоже волной бородой вездѣ выходитъ хорошо. Но ни одна изъ многочисленныхъ фотографій не изображаетъ В. Г. Короленко во весь ростъ. Когда онъ сидитъ, онъ кажется очень высокимъ человекомъ. Стоя, превращается въ невысокаго, хрупкаго старика, съ округленными безшумными движеніями и быстрой ровной походкой.

Сильно напрягая свой слухъ, уставшій отъ чужихъ словъ, Владимиръ Галактіоновичъ разспрашиваетъ, что случилось въ мірѣ, что сдѣлали лѣвые эсеры въ Молдавіи, какъ относятся къ этому правые эсеры, какъ отзываются на событія эсеровскія газеты? Онъ не сталъ и не станетъ никогда глухимъ къ дикимъ бурямъ современности. Онъ разспрашиваетъ, не выражая своего отношенія, но всѣ вопросы отчетливо и ясно говорятъ о томъ, кому отданы давнія, глубоко вкоренившіяся политическія симпатіи...

И вдругъ, — какая характерная манера! — В. Г. словно забываешь, что говорилъ, и уже около окна играетъ съ маленькой внучкой. Вся сила душевной нѣжности, не сложенной жизнью, воплощается въ незатѣйливой наивной игрѣ мудраго старца съ неумолчно лепечущей крохотной дѣвочкой. Потомъ, опять какъ-то сразу, его уже нѣтъ въ комнатѣ, и вновь возвращается, сидитъ у стола, внешне разсѣянный, но глубоко внимательный, не выпуская изъ виду ни одного жеста, ни одного движенія присутствующихъ.

...Опять домъ полонъ тишиной, но въ одной изъ комнатъ ведется горячій споръ, что дѣлать съ газетой, которую пытаются задушить, прямо закрыть или довести до изнеможения преслѣдованіями.

Домъ В. Г. Короленко тихъ, но не ушелъ отъ жизни, — здѣсь все — борьба, все — напряженіе презрѣнія и стойкой ненависти къ существующему режиму, какъ ко всякому, основанному на силѣ и насиліи. Старый партизанъ революціи никогда не выходитъ изъ первой линіи огня, первыхъ рядовъ демократической борьбы.

И такъ же безшумно, округлыми движеніями, переходя изъ столовой въ свой кабинетъ, отъ взрослыхъ людей къ маленькой Нюсѣ, онъ обдумываетъ настойчивыя и мѣтлыя слова своихъ политическихъ статей, попрежнему полнаго жизни и свѣжести мысли, неугасшей вѣры въ демократію и социализмъ.

Домъ В. Г. Короленко — цитадель демократіи. Всѣ пытаются ей, — онъ не измѣнитъ... Съ почтительной угрюмой боязливостью труса, на моментъ завладѣвшаго властью, администрація обходитъ В. Г. Короленко, но всѣми силами старается нанести ему удары въ тылъ, лишить его права громко говорить съ газетной трибуны.

А для него — газетная трибуна не пустой звукъ, не простое ополщенное слово. Онъ громко и внятно обращается къ обществу, къ власти, до конца говоря все, что думаетъ, не скрывая ничего, ибо у него совершенно исключительная прямолинейность и искренность мысли.

Сегодня Владимиръ Галактіоновичъ здоровъ. Обычно, особенно въ зимніе дни, онъ мучительно страдаетъ мелкими, склонно подтачивающими усталый организмъ болѣзнями. Сегодня онъ полонъ свѣжести и бодрости. Чуть-чуть розовое лицо, спокойный блескъ глазъ, увѣренность отчетливыхъ движеній.

Когда глядишь на него, невольно приходитъ въ голову рядъ именъ: Жанъ-Жакъ Руссо, Вольтеръ, Левъ Толстой... и хочется въ ряду одинаково прекрасныхъ именъ добавить: Владимиръ Короленко въ своемъ „Фернеѣ“, въ своей великопной, тихой зеленѣющей Полтавѣ.

Онъ живетъ на Украинѣ. Но онъ не украинецъ, не русскій, — онъ живетъ во всемъ мірѣ, онъ — дитя всемірной демократіи, онъ видѣлъ страждущее челоѣчество здѣсь, въ Полтавѣ, и тамъ, на Волгѣ, и въ Сибири, и въ Румыніи, и въ Даніи, и въ тотъ моментъ, когда пароходъ выплывалъ изъ бурныхъ волнъ Атлантики, огибая статую Свободы у дымныхъ пристаней Нью-Йорка.

И въ Арденнахъ, когда надъ міромъ разгоралось жаркое пламя великой войны, онъ былъ одинъ и тотъ же, весь въ потокъ современности, весь въ потокъ воспоминаній, все освящая свѣтомъ примиряющей социалистической любви къ челоѣчеству.

Днемъ снова домъ В. Г. Короленко тихъ и безлюденъ. Ветхая деревянная веранда спускаетъ свои ступеньки въ наивный дѣтскій цвѣтничекъ, гдѣ ярко пылаютъ огненные настурціи, скоро распустятся цвѣтами зеленые стебли левкоевъ, гдѣ на песокъ лежатъ дѣтскія игрушки, и густая глубокая зелень со всѣхъ сторонъ замыкаетъ собой старый домъ — цитадель демократіи.

Среднегень Роневъ. Работница.

Чуть слышны шаги людей по деревяннымъ мосткамъ улицы. Ни крика, ни грохота города. Здѣсь жизнь на границѣ міра. Не вдали отъ людей и не съ ними. Уже подводятся итоги долгой жизненной борьбы, главное вниманіе обращено на воспоминанія, но живая мысль попрежнему свѣжа и свѣтла и готова къ бою.

Наконецъ, о самомъ главномъ, о юбилеѣ. Конечно, Владимиръ Галактіоновичъ ничего не хочетъ слышать о какомъ бы то ни было празднованіи. Конечно, мѣщанская торжественность лицемѣрныхъ рѣчей и заявленій, избитыхъ словъ и нагло присвоенія юбиляра людьми, совершенно чуждыми демократіи, совершенно невыносима для В. Г. Короленко.

Въ концѣ концовъ, В. Г. смягчается и приходитъ въ столовую, неся съ собой большіе, тщательно перевязанные пакеты старыхъ рукописей, папки съ новыми статьями,

пачки фотографій, кучи маленьких альбомовъ съ рисунками и замѣтками. Какъ будто всѣ сорокъ лѣтъ литературной жизни широкимъ потокомъ хлынули на столъ, ожили забытые люди, имена умершихъ, лица на фотографіяхъ, пожелтѣвшіе листки черновиковъ, написанныхъ давно-давно...

Самые драгоценныя листки: измятые, истертые, разсказъ, написанный въ тюрьмѣ, гдѣ писать строго запрещалось, гдѣ не было ни перьевъ, ни бумаги, и только съ величайшимъ трудомъ В. Г. совершалъ тяжкое преступленіе противъ тюремной дисциплины — дарилъ людей своими разсказами...

В. Г. Короленко не забываетъ ничего. Эта полнота прожитой жизни характернѣй всего для него.

Среди разсказовъ и воспоминаній день склоняется къ вечеру. Надо торопиться. Еще одинъ прожитый день безшумно прошелестѣлъ надъ тихимъ домомъ. Почти темно. Электричество въ Полтавѣ берегутъ, какъ драгоценность. Улицы совершенно темны. Въ домахъ горитъ одна-двѣ лампочки. Гдѣ нѣтъ электричества, живутъ въ полномъ мракѣ.

Къ ночи улицы Полтавы превращаются въ сплошной темно-зеленый благоухающій садъ, влажный послѣ дождя, озаренный рѣдкими огоньками изъ маленькихъ домиковъ.

Ни одного признака на современность. Вспоминаются слова:

И „девятьсотъ“ на „восемьсотъ“
Здѣсь такъ легко перемѣнить...

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличается въ Полтавѣ июль 1918 года отъ іюля 1818-го?

Все такъ же стояли одноэтажные домики, вмѣсто клавишей рояля звучали изъ оконъ клавесины, такъ же шла украинская „мова“, все такъ же бѣлыя женскія туфельки скользили по деревяннымъ мосткамъ среди тополей, величественныхъ и сумрачно задумчивыхъ, какъ огромные темныя каедралы вдоль улицъ...

Промчалась революціонная буря, вино изъ разгромленныхъ складовъ напитало землю, исчезли солдатскія толпы, миновалъ бредовой сумбуръ большевистской власти, разсыпались надъ городомъ послѣдніе шрапнели, миновалъ ужасъ бѣлаго террора съ бессмысленными разстрѣлами и арестами по проскрипціоннымъ листамъ, новая власть утвердилась, погрузила Полтаву въ мертвую тишину и безмолвіе, вернула ее опять къ далекимъ-далекимъ временамъ. Только вмѣсто старыхъ будочниковъ съ алебардами стоятъ „вартовые“...

Но въ этомъ городѣ есть трепетная живая мысль, отрывающаяся отъ современности, отданная мечтѣ о великомъ человѣческомъ будущемъ, здѣсь, надъ соннымъ городомъ, не дремлетъ зоркій и внимательный наблюдатель жизни, здѣсь горитъ въ домѣ В. Г. Короленко красный ровный огонекъ социализма, и онъ въ этой сумеречной мгновѣ такъ ясенъ, что никакіе „вартовые“ не погасятъ теплящейся лампы великаго идеализма...

Валентинъ Рожницынъ.

Варианты разсказовъ В. Г. Короленко.

НИКОГДА В. Г. Короленко не выпускалъ изъ-подъ своего пера въ печать разсказы такъ, какъ они непосредственно вылились. Онъ ихъ перерабатывалъ долго и тщательно. Просто замѣняя одно слово другимъ, усиливая психологическіе оттѣнки, утончая стиль. В. Г. старался довести свои разсказы до максимума законченности и внѣшняго изящества.

Пользуясь матеріалами старыхъ рукописей, которые Владимиръ Галактионовичъ любезно предоставилъ въ распоряженіе редакціи „Колосъевъ“, мы имѣемъ возможность показать читателю нѣкоторыя особенности этой большой, сложной вдумчивой работы писателя надъ своими произведениями.

Какъ велики и значительны измѣненія, происходившія въ разсказахъ В. Г. Короленко, пока ихъ текстъ переходилъ изъ черновика въ рукопись, и изъ рукописи въ печать, показываютъ два приводимыхъ ниже варианта разсказа „Ночью“. Первый вариантъ (черновикъ) и второй (рукопись для типографіи) отдѣлены одинъ отъ другого всего лишь нѣсколькими днями, но за это время успѣла

совершиться сложная писательская работа, почти преобразившая внѣшній видъ разсказа.

Была ночь.

На дворѣ накрапывалъ дождикъ. Онъ шумѣлъ по деревьямъ сада и стучалъ по крышѣ не очень громко, однако такъ, что было слышно въ въ комнатѣ, въ которой раздавались еще мѣрные удары маятника.

Сначала къ этому шуму прислушивались только тараканы. Посрединѣ комнаты стоялъ тазъ съ водой, въ тазу свѣча въ подсвѣчникѣ сильно нагорѣла и по временамъ тихо-тихо потрескивала. Тогда тараканы, которые выползли изъ угловъ къ свѣту и глу-

Было около полуночи.

На дворѣ шелъ дождь. Онъ шумѣлъ по листьямъ сада и стучалъ по крышѣ ровно и не очень громко, однако такъ, что было слышно въ комнатѣ, въ которой, кромѣ того, еще мѣрно постукивалъ маятникъ.

Въ углу комнаты стоялъ мѣдный тазъ, на днѣ которого было немного воды. Стояла свѣча въ подсвѣчникѣ. Свѣча сильно нагорѣла и по временамъ тихо-тихо трескивала.

Тогда два таракана, которые сидѣли около таза, чу-

густо плыли бѣлыя льдины сплошного ледохода, задавившаго живое и бурное теченіе...

Однажды, съ берегового откоса мы увидѣли среди движущагося бѣлаго поля на серединѣ рѣки черный предметъ... „Ворона сидитъ на льдинѣ“ — сказалъ кто-то изъ насъ.

— Гдѣ тебѣ ворона! — съ насмѣшкой перебилъ одинъ изъ ямщиковъ, — медвѣдь!..

Пролетарій.

Мнѣнія раздѣлились. Отдаленность и однообразие этихъ бѣлыхъ глыбъ, тихо сталкивавшихся между собою и ползшихъ навстрѣчу, совершенно извращали перспективу, — и черный предметъ, дѣйствительно, одинаково можно было принять и за ворону и за что-нибудь побольше.

— Откуда же взятъ медвѣдь? — спросилъ я. — Какъ онъ попадетъ на середину рѣки?

— Съ того берега. Въ прошломъ годѣ отъ этого острова медвѣдица перешла съ тремя медвѣжатами... Зима будетъ холодная... Здѣсь теплѣе...

Между тѣмъ, черный предметъ приближался вмѣстѣ съ ледянымъ полемъ, и, по мѣрѣ его приближенія, мы могли замѣтить, что онъ мѣняетъ мѣсто, какъ бы направляясь къ нашему берегу.

— А вѣдь это, братцы, козуля, — сказалъ, наконецъ, одинъ изъ ямщиковъ.

Дѣйствительно, это была горная козуля. Теперь намъ уже ясно была видна ея темная изящная фигурка, среди настоящаго ледяного ада... Вокругъ нея льдины бились и сталкивались, при этихъ столкновеніяхъ онѣ крошились, въ промежуткахъ кипѣло что-то брызгами и пѣной, а нѣж-

ное животное, насторожившись, стояло на большой качавшейся льдинѣ, подобравъ вмѣстѣ свои тоненькія ножки...

— Н-ну! — Что и будетъ, — сказалъ молодой ямщикъ съ глубокимъ интересомъ, — глядите-ка, глядите...

Огромная льдина, плывшая впереди козули, какъ будто замедлила ходъ и стала разворачиваться, останавливая заднія льдины. Отъ этого вокругъ животного поднялся вновь цѣлый адъ разрушенія и плеска. Льдины вставали козлами, лѣзли другъ на друга и ломались съ громкимъ, какъ выстрѣлъ, трескомъ, и поврежденіямъ между ними открывалась и смѣкалась опять темная глубь. На мгновеніе жалкое черное пятнышко совсѣмъ исчезло въ этомъ хаосѣ, но затѣмъ мы тотчасъ же замѣтили его на другой льдинѣ. Опять собравъ свои тонкія, дрожавшія ножки, козуля стояла на серединѣ площадки и готовилась къ новому прыжку. И каждый такой прыжокъ съ расчитанной неуклонностью приближалъ ее къ нашему берегу и удалялъ отъ противоположнаго...

Можно было уже прослѣдить планъ умнаго животного. Невдалекѣ отъ насъ въ рѣку выступалъ край остраго мыса, и здѣсь льдины, разгоняемыя теченіемъ, разбивались съ особенною силою. Зато болѣе отдаленныя, которыя избѣгали линіи удара, — тотчасъ же подхватывались отдаленнымъ теченіемъ и уносились опять...

Сухой трескъ, хаосъ обломковъ, которые вдругъ поднялись кверху и поползли на обледѣнныя края мыса — и черная точка легко, какъ брошенный камень, метнулась на берегъ поверхъ этого хаоса... За ней другая.

Козуля была уже на твердомъ льду, но на другой сторонѣ косы была темная полоса открытой воды, а проходъ загораживала кучка людей. Однако животное не задумалось ни на минуту. Я замѣтилъ взглядъ его круглыхъ глазъ, глядѣвшихъ съ какимъ-то довѣріемъ къ судьбѣ и къ намъ, а затѣмъ она понеслась, направляя и младшую, прямо на нашу группу. Станочная собака, большая и мохнатая, сконфуженно посторонилась, и старшая козуля пробѣжала мимо, загородивъ другую и почти коснувшись пушистой шерсти Полкана. Собака только поджала хвостъ и затѣмъ задумчиво отбѣжала въ сторону, какъ будто озадаченная собственнымъ великодушіемъ и опасаясь, чтобы мы не истолковали его въ невыгодномъ для нея смыслѣ. Но мы всѣ одобряли ея сдержанность и только радостно смотрѣли кверху, гдѣ стройное тѣло козули мелькало на лету, распластываясь надъ верхушками скалъ...

Когда весь эпизодъ кончился, мы всѣ успѣли опять и нашъ маленькій караванъ двинулся далѣе, растянувшись подъ каменистымъ берегомъ и обсуждая смѣлый подвигъ козули, съ такимъ самообладаніемъ избѣгнувшей столько опасностей.

— Можно подумать, — сказалъ я улыбаясь, — что морозъ будитъ альтруистическія чувства.

— Изъ чего вы это заключаете? — спросилъ онъ.

— Да вотъ вамъ примѣръ этого Полкана или... извините: вашъ собственный. Ваше ружье осталось въ чехлѣ.

— Ну, это была бы уже подлость, — сказалъ онъ съ неожиданной горячностью, надъ которой, впрочемъ, тотчасъ же самъ засмѣялся.

— Отчего же? — спросилъ я наивно, желая поддержать это непривычное, повидимому, для моего собесѣдника строеніе. — Вѣдь у васъ это охотничье ружье. Или вы стрѣляете только хищныхъ звѣрей?

Онъ улыбнулся.

— Стрѣляю всякихъ. Но... видите ли... Тутъ особенныя обстоятельства... Своего рода личная драма, героиней которой являлась эта козочка... Такова уже, я думаю,

психологія чело́вѣка. Мы присутствовали при драмѣ живого существа, и мы любимъ, чтобы всякія личныя драмы кончались благополучной развязкой. Замѣчали ли вы, что, читая, напримѣръ, историческій романъ, вы слѣдите только за судьбой двухъ любящихъ сердецъ, а до остального вамъ нѣтъ никакого дѣла. И если ихъ союзъ зависить отъ гибели цѣлой арміи, пусть даже это будетъ армія вашего собственнаго отечества,—ваше желаніе все-таки будетъ упорно направляться къ гибели тысячъ и къ союзу двухъ сердецъ. Правда? Ну, вотъ то же и здѣсь. Мы видѣли личную драму этой бѣдной козули. Она побѣдила уже столько препятствій, проявила столько самоотверженности. И вдругъ, я вынулъ ружье и, какъ *deus ex machina*, какъ нѣкое злое начало,—приведу съ собой печальную развязку. И это послѣ того, какъ даже Полканъ подаль примѣръ великодушія! Посмотрѣлъ бы я, что бы вы сказали на это! Нѣтъ... ужъ лучше я подожду, когда она, ничего не подозревая, будетъ мирно и прозаически щипать травку... Тогда я подстерегу ее и изъ-за ствола дерева... Однако холодно... Садитесь въ мою кошевку,—обратился онъ ко мнѣ,—я вамъ расскажу кое-что о морозѣ...

Мы поѣхали вмѣстѣ...

Онъ усмѣхнулся и спросилъ:

— Вы понимаете, что я хотѣлъ сказать?...

— Конечно, понимаю... Почему вы спрашиваете?

— Да такъ,—отвѣтилъ онъ печально.—Въ этой глуши разучишься выражать свои мысли... Что-то будто дѣйствительно замерзаетъ... Мысль конечно есть, а вотъ оболочка... А что касается мороза... то онъ не только не будитъ, какъ вы говорите, альтруистическихъ чувствъ, а наоборотъ: у него душа застываетъ... Думали ли вы, что въ чело́вѣкѣ можетъ замерзнуть, напримѣръ... совѣсть?

— Когда чело́вѣкъ самъ замерзнетъ? — спросилъ я улыбаясь.

Онъ повернулся, посмотрѣлъ на меня и сказалъ съ какой-то странной мягкой грустью.

— Нѣтъ... гораздо раньше. Вотъ я вамъ расскажу одинъ случай. Кстати, и было это вотъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, только поужинѣ. Я вотъ їду теперь съ вами, и мнѣ кажется, что... я переживаю начало моего разсказа, а вы поѣдете дальше и встрѣтите его продолженіе

Онъ повернулся ко мнѣ.

— Понимаете? Взялъ въ другую сторону и пошелъ все прямо... Дорога была все такая же широкая, и вскорѣ опять лѣсъ. На слѣдующій день мы все-таки нашли его... Въ лѣсу сохранились даже слѣды... Они шли прямо, не сворачивая, не останавливаясь. Онъ не отступилъ ни шагу... Пока...

Сокольскій замолкъ и довольно долго смотрѣлъ въ сторону молча. Я не прерывалъ этого молчанія.

— Надѣялся,—сказалъ Сокольскій...—Знаете, что мнѣ приходится въ голову: онъ просто казнилъ въ себѣ подлую чело́вѣческую природу, въ которой совѣсть замерзаетъ при пониженіи температуры на два градуса... Романтикъ казнилъ матеріалиста...

Безработная интеллигенція.

— Вы сказали „подлую“ чело́вѣческую природу?—сказалъ я послѣ короткаго молчанія.

— Ахъ, боже мой! Не знаю...—отвѣтилъ онъ...

Впереди показался дымокъ станка, на которомъ мы разстались съ Сокольскимъ. Онъ уѣхалъ впередъ.

Дня черезъ три, ящикъ указалъ мнѣ въ лѣсу большой каменный крестъ...

— Чело́вѣкъ замерзъ,—сказалъ онъ.—Пріятель Сокольскаго, можетъ, знаете.

Онъ повернулся ко мнѣ и засмѣялся:

— Глядь, слѣды по снѣгу.—Онъ это, Сокольскій, вчера былъ, видно. Никогда мимо не проѣдетъ. Всегда выйдетъ, хотя тутъ мятель-размятель. Стоить... Креститься не крестится, а видно, молится. Когда и заплачетъ... Чудакъ...

3 января 1901 г.

Вл. Короленко.

В. Г. Короленко какъ художникъ.

ВЛАДИМИРЪ ГАЛАКТИОНОВИЧЪ учился рисованію только въ средней школѣ. Но у него есть богатое дарованіе художественной наблюдательности, и рисунокъ имѣетъ въ его литературной дѣятельности огромное значеніе, такое значеніе, о которомъ не подозреваютъ читатели его рассказовъ.

Въ скитаніяхъ В. Г. по русскимъ просторамъ и на Западѣ его неизмѣннымъ спутникомъ была маленькая книжка-альбомъ для набросковъ, и въ ней онъ карандашомъ зарисовывалъ все, что поражало его взоръ, что было связано какимъ-нибудь сильнымъ переживаніемъ, въ чемъ выявлялось лицо природы и душа человѣка.

Большую часть рисунки В. Г. сводились къ нѣсколькимъ незаконченнымъ бѣглымъ штрихамъ, но ихъ было достаточно, чтобы могучая зрительная память писателя связывала съ ними безконечныя воспоминанія о пережитомъ, продуманномъ и увидѣнномъ. Эти рисунки — зацѣпка для памяти, изъ которой не выпадаетъ ни одна мелочь, какъ бы далеко она ни отошла въ прошлое.

И теперь, работая надъ своими воспоминаніями, В. Г. открываетъ маленькіе альбомчики — въ нихъ развертывается полная красокъ, свѣта и настроеній, быстро бѣгущая фильма далекихъ дней, въ нихъ открываются вереницы людей, большей частью простыхъ, изъ народа, рабочихъ, случайныхъ попутчиковъ въ дорогѣ, на пароходѣ, въ поѣздѣ, крестьянъ, а въ особенности — „неожиданныхъ“ людей, такихъ, которые внезапно являютъ своей душой что-то необычное, непохожее на всѣхъ.

Слѣпой звонарь.
Собств. неизд. рис. В. Г. Короленко.

Рисунки, намеки на богатія картины дѣйствительности, когда-то увидѣнныя зоркимъ взглядомъ, объединяются съ отрывочными словами, отрывочными впечатлѣніями, помогаютъ воспроизвести то, что было, художественно обработать. Потомъ изъ набросковъ карандашомъ, изъ неразборчивыхъ замѣтокъ здѣсь же около рисунковъ, изъ глубины

впечатлительной памяти начинали возникать цѣльныя образы. Въ первыхъ бѣглыхъ черновыхъ наброскахъ В. Г. заносилъ контуры будущаго рассказа, снова обрабатывалъ, передѣлывалъ по нѣскольку разъ, и даже послѣ напеча-

Кустарь изъ Павловска.
Собств. неизд. рис. В. Г. Короленко.

танія, въ новыхъ изданіяхъ, въ пятый, въ шестой разъ опять и опять шлифовалъ рассказы, пока они не достигали высшей, въ предѣлахъ его художественнаго дарованія, законченности.

Тому, кто видѣлъ альбомы рисунковъ Короленко, они сразу ничего не дадутъ — вереницы набросковъ. Иной разъ великолѣпныхъ по своей выразительности, иной разъ — нѣсколько штриховъ, простыхъ живописно-стенографическихъ значковъ. Но, когда рядомъ сидитъ самъ В. Г. Короленко, и съ легкой полуулыбкой въ серьезныхъ глазахъ пересматриваетъ рисунки, дополняя ихъ неисчерпаемыми воспоминаніями, они оживаютъ, превращаются въ большія картины, полныя жизни, свѣта, солнца.

— Вотъ, видите, слѣпой монахъ — звонарь на колокольнѣ. Я нарисовалъ его, какъ онъ, держась за стѣну, подходит по лѣстничкѣ крутой колокольни къ колоколу, чтобы начать звонить. Вѣки опущены, лицо исхудалое, жиденькіе волосики изъ-подъ скуфы видны. Пальцы длинные, тонкіе, чувствительные. Внизу просторъ, видно на много верстъ. И онъ тоскуетъ: хочется видѣть. Сейчасъ у насъ, въ Полтавѣ, московскій слѣпой приватъ-доцентъ Щербина читаетъ лекцію... И этотъ рисунокъ прямое опроверженіе его теоріи, выведенной по моему „Слѣпому Музыканту“. Здѣсь я подъ рисункомъ записалъ слова слѣпого звонаря: „И согрѣшаешь: хотѣ-бы, Господи, бѣлый свѣтъ отраду повидать, да нѣтъ, не даетъ“...

„А это — роковое мѣсто. Впрочемъ, только для меня самого. Ъхалъ въ Саровскую пустынь. Ямщику сказать,

чтобы потом догнать, самъ пришелъ на это мѣсто и сталъ купаться. Потомъ, — что такое?... Нѣтъ и нѣтъ ямщика. Оказывается, онъ другой дорогой не ѣхалъ, а я просто сбился и вернулся на то же мѣсто, гдѣ былъ раньше. Такъ я, въ наказаніе себѣ, что забылъ его, тутъ же зарисовалъ, — и ужъ не забуду...

Этотъ рисунокъ вамъ ничего не скажетъ, а для меня большая картина. Какъ сейчасъ помню, былъ вечеръ надъ Волгой, и подымалась огромная темная туча. Никогда не забуду ея, не забуду этого мѣста на Волгѣ.

Здѣсь два рисунка дома. Къ разсказу „Домъ № 13“. Въ Кишиневѣ послѣ погрома. Тутъ на крышѣ кружочекъ, это мѣдный тазъ. По этой крышѣ бѣгали кругомъ еврей, и за нимъ гонялись, пока не бросили подъ ноги мѣдный тазъ. Онъ упалъ на этомъ мѣстѣ, и его убили...

Тутъ я видѣлъ на Окѣ случайнаго пассажира, зарисовалъ его и его разговоръ. Это было 5-го мая 1890 года. Слова его такія были: „Я себѣ молодой человѣкъ, и имѣю способности. Только за одно я не благодарю Бога, что я родился еврей. Какое мнѣ удовольствіе, скажите пожалуйста, быть еврей, ежели я пріѣхалъ въ какое-нибудь мѣсто торговать, и вдругъ менѣ не пускаютъ.—Ну?... Почему не пускаютъ? А потому, что я виноватъ: родился себѣ еврей! Хе!.. я бы очень хотѣлъ, знаете, быть себѣ одна мужчина на свѣтѣ... То бы мнѣ было очень пріятно одному мужчине со всѣми дамами. Хе!.. И очень бы мнѣ пріятно одинъ торговецъ быть, только нельзя это...“

Пустыя слова, а я по нимъ всего человѣка вспоминаю

Этотъ человѣкъ изъ Павловска—знаменитость, на всѣхъ перочинныхъ ножахъ его клеймо. Завьяловъ, Петръ Осиповичъ. Жаловался: „Знавалъ лучшіе дни“. Здѣсь его слова записаны: „Прежде у меня стальное издѣльице работалось, и свидѣтельство у меня есть... Но изъ рукъ бѣдностью выбилось. Той бѣдностью изъ рукъ выбилось, что на трехъ годахъ два пожара было, да еще на базарахъ низкія цѣны стали давать. Теперь вотъ и работаю замки такъ... Только ради одной скуки... Хлѣбъ себѣ получаю очень плохой. По временамъ, когда на пятачекъ-другой цѣна перевалится—деревенскіе на меня работаютъ, ножи перочинные. А я клеймо свое ставлю. Иной разъ въ деревню со своимъ клеймомъ хожу. Да что!.. Плохой, плохой хлѣбъ себѣ получаю“.

Я много ихъ зарисовалъ въ Павловскѣ. Этотъ рисунокъ не удался. Волосы перехвачены ремешкомъ. Глаза усталые, потухшіе. По пятьдесятъ лѣтъ люди сидятъ надъ станкомъ и дѣлаютъ по цѣлымъ днямъ напильникомъ одно и то же движеніе... Вотъ такъ... Взадъ и впередъ. Плечи перекошились, спина согнулась, на рукахъ разные мускулы развились. Одни обмякли, а другіе усилились. Получился какой-то перекошенный живой станокъ, живая машина. Жалко было смотрѣть.

Вдругъ Владиміръ Галактіоновичъ радостно восклицаетъ:

— Какое счастье! Посмотрите: это видъ изъ окна тюрьмы. Все, что видѣлъ, зарисовалъ. Это мнѣ нужно для „Исторіи моего современника“. Давно искалъ. Какъ хорошо, что нашелъ въ книжкѣ! Очень пригодится...

Такъ изъ маленькихъ рисунковъ, которые, кромѣ двухъ-трехъ, воспроизведенныхъ въ „Солнцѣ Россіи“ и въ „Начаткахъ“, никогда не были и едва ли будутъ изданы, возникаетъ для Короленко цѣлый міръ далекихъ, но попрежнему ясныхъ и четкихъ воспоминаній.

На одномъ наброскѣ изображенъ сутулый мѣщанинъ въ фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, въ сапогахъ съ

широкими опустившимися голенищами, въ какомъ-то чудачковатомъ сюртукѣ съ высокимъ воротникомъ и нелѣпо пришитыми пуговицами. Сидитъ на скамеечкѣ, и здѣсь же его слова, изъ которыхъ карандашъ В. Г. вывелъ маленькій этюдъ.

„Вотъ Ананьевъ жилъ, богатъ, вотъ въ томъ дому, въ большихъ-то палатахъ. Это вотъ сколько дровъ на берегу видите, и у него столько же было... Вся бѣднота пользовалась.“

— Давалъ даромъ?

— Не то чтобы давалъ, дескать: бери, сколько хочешь. А тащатъ дюже всѣ. Выйдетъ на крылечко утромъ. „Глядь-ко, говоритъ, Анна Митріевна (это жена его была Анна Митріевна). Глядь-ко, птички небесныя мою пшеничку клюютъ“... Хе-хе-хе... Это бѣднота его дровишки таскаетъ... Ничего! Только съ лошадыю не тащи, а руками да на салазочкахъ таскали... „Птички, говоритъ, небесныя“.

Выжили! Обидно!

— За что?

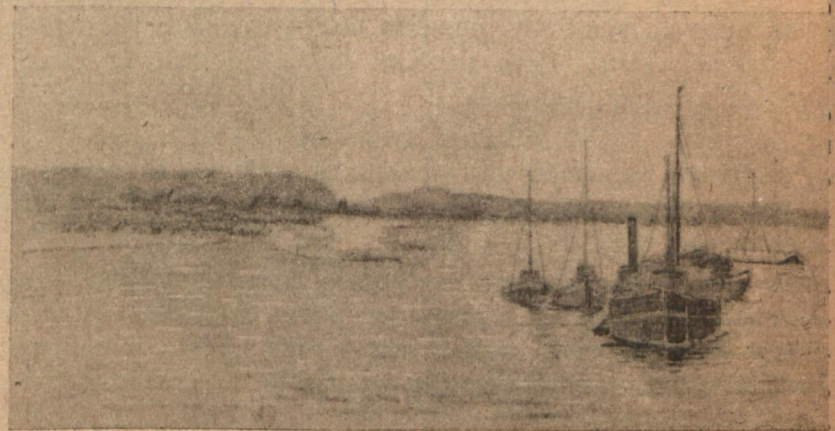
— А за то! Милліоны его въ Павловскѣ остались бы, а выжили—теперь въ Нижній уѣхалъ. Вотъ и все тутъ. Эхъ-хе...“

Такими фрагментами творчества полны записныя дорожныя книжки В. Г. Короленко.

Каждый рисунокъ, каждая замѣтка подъ нимъ — намекъ на бытовую разсказъ, на его драматическую завязку.

Величественный редакторъ нижегородскаго биржевого листка, съ необычайно самоувѣреннымъ и бессмысленнымъ видомъ, гундосый мальчишка, глуповатый мужикъ, говорящій: „Вотъ, господа, како дѣло. Прямо сказать, взялъ ее къ себѣ съ однимъ крестомъ. А она и уйди... Вольничаетъ теперь по Павловску — бродитъ. Вотъ, какое время теперь“.

На одномъ рисункѣ изображенъ маленькій господинъ въ очкахъ, за столомъ, произносящій рѣчь. Цѣлый литературный портретъ. С. Н. З-нко. Въ скобкахъ приписано: „Птичка невеличка, ноготокъ востеръ“, и дальше идетъ характеристика „птички“: „Bête noire и enfant terrible съѣзда. Маленькая, но широкая въ кости, сухая и нервная фигурка. Говоритъ громко, смѣло и литературно. Среди монотонности и сухихъ мелочей специальныхъ разговоровъ не боится экскурсій въ область, такъ сказать, общихъ вопросовъ, въ ко-

Вечеръ надъ Волгой.

Собств. неизд. рис. В. Г. Короленко.

торой держитъ себя, какъ смѣлый наѣздникъ, и самымъ категорическимъ тономъ говоритъ весьма смѣлые парадоксы. Вносить на съѣздѣ элементъ пикантности и ѣдкой полемики, устраивая по временамъ маленькій полемическій фейерверкъ. Когда, на дальнемъ концѣ стола, вскакиваетъ эта маленькая, немного обезьянья фигурка, — всѣ

участники съезда ждут какого-нибудь нападения, тѣмъ болѣе, что рѣчи свои онъ по большей части начинаетъ съ извиненія: „Извините меня, господа, я попрошу выслушать меня безпристрастно, хотя, быть можетъ, я буду рѣзокъ“... Послѣ такихъ заявленій всѣ начинаютъ немного обижаться, хотя ничего рѣзкаго докторъ З-нко и не говоритъ. Такъ,

Набросокъ - автопортретъ В. Г. Короленко. 1890 г.
(Неиздано).

въ вечернемъ засѣданіи 31 мая онъ успѣлъ всѣхъ убѣдить, что имъ оскорблено все собраніе. Даже основательный, хладнокровный и нѣсколько грузный председатель дался въ обманъ, сталъ нервничать, волноваться, съ румянцемъ на лицѣ, говорить колкости... Между тѣмъ, во всей рѣчи З-нко не было ни одной рѣзкости, и самое требованіе, совершенно разумное по существу, принято почти единогласно обиженнымъ собраніемъ. Есть какія-то скрипучія ноты въ самомъ голосѣ заборнаго оратора“...

Здѣсь характеристика внезапно обрывается. Но какъ достаточно ея, чтобы изъ эскизнаго портрета и такого же литературнаго наброска встала во весь ростъ яркая человѣческая фигура...

На одной страницѣ альбома — „Божій домикъ“ въ Арзамасѣ. На пригоркѣ, среди вѣтряныхъ мельницъ, каменное строеніе съ ветхой деревянной крышей. Оно покрываетъ собой великую историческую трагедію. Въ Арзамасѣ здѣсь

казнили и хоронили старыхъ бунтовщиковъ, участниковъ движенія Стеньки Разина.

Среди мимолетныхъ отрывковъ дѣйствительности, неожиданно въ записной книжкѣ брошенъ какой-нибудь афоризмъ, уходящій своей мыслью въ отдаленные мистическіе горизонты человѣческой души: „Общій смыслъ музыки идеаленъ, какъ ничто болѣе. Надо додумывать каждому, примѣнять къ себѣ, сколько кто знаетъ истины въ жизни. Музыка — это мятежная душа. Въ ея гармоніи блещетъ и звучитъ гармонія всѣхъ стихій бытія“.

Или какая-нибудь историческая замѣтка. Нарисована башня Елабужскаго городища, и при ней маленькое примѣчаніе: „Въ 80-хъ годахъ около Елабужскаго городища производились раскопки, причемъ найдена колода, въ ней скелетъ и остатки монашеской схимы. Кто-то окопалъ это мѣсто вала, сдѣлалъ изъ него форму могилы и поставилъ каменную плиту съ надписью: „Здѣсь обрѣтено тѣло схимника Николая“. Поставилъ тутъ свѣчу и образъ, — и скоро повалила толпа народа, къ „новообрѣтенному“ святому. Блюдечко наполнилось деньгами, и толпа все прибывала, пока не вмѣщалась полиція, которая распорядилась перенести тѣло на кладбище, могилу сравнять съ землей, деньги отдать туда-то, а остроумнаго ревнителя вѣры привлечь къ отвѣтственности“.

Богоскательская тайная трагедія народа вся отражена въ этой маленькой сжатой замѣткѣ, сопровождаемой выразительнымъ рисункомъ.

По записнымъ книжкамъ-альбомамъ В. Г. Короленко легко можно составить себѣ представленіе о своеобразномъ и вообще, кажется, до сихъ поръ неизвѣстномъ читателямъ механизмѣ его художественнаго творчества.

Во время своихъ скитаній въ просторахъ Россіи, по Волгѣ, по Окѣ, въ Сибири, гдѣ-нибудь въ Саровской пустыни, въ Румыніи на Дунаѣ, въ Даніи, въ Америкѣ — онъ повсюду напрягалъ прежде всего свое зрительное вниманіе, заносилъ характерныя черты мѣстности, человѣческихъ лицъ въ видѣ маленькихъ рисунковъ въ альбомъ, иногда сопровождалъ мимолетными замѣтками, и потомъ наброски, живописныя штрихи, оплодотворяемые могучей, ничего не выпускающей изъ своихъ объятій памятью сливались въ художественный синтезъ рассказовъ.

Отъ первыхъ отрывочныхъ набросковъ до окончательно художественно-обработанныхъ литературныхъ твореній проходилъ долгій путь напряженной, дѣятельной работы.

Только на основаніи внимательнаго разбора рисунковъ, сдѣланныхъ В. Г. Короленко, можно ясно представить себѣ, какое сліяніе художника и беллетриста было въ его душѣ. Беллетристъ заглушилъ собой художника. Но если бы В. Г. Короленко придавалъ своему художественному дарованію самостоятельное, а не вспомогательное только значеніе, то, несомнѣнно, изъ него выработался бы своеобразный и наблюдательный мастеръ изящнаго, тонкаго и психологически глубокаго рисунка.

В. Р.

Біографія.

Владимиръ Галактіоновичъ Короленко.

(15/27 іюля 1853 г.—15/28 іюля 1918 г.)

„Wer den Dichter will verstehn,
Muss in Dichters Lande gehn“...

Кто желяеть понять Владимира Галактіоновича Короленко, долженъ погрузиться въ то душное, мрачное время на рубежѣ двухъ царствованій—Николая I—душителя всякой живой мысли въ Россіи и, по мѣрѣ силъ и возможности, на Западѣ, душителя крестьянъ, душителя Польши, душителя Украины, душителя евреевъ, и Александра II—„освободителя и реформатора“ поневолѣ, по принужденію, сошедшаго съ пути отца подъ давленіемъ снизу, но вернувшася весьма скоро на этотъ, освященный традиціей всего дома Романовыхъ, путь гнета и насилія...

Сынъ польки, шляхтянки (дворянки), но дочери неимущаго арендатора, т. е. именно того, воспитанаго польскими поэтами типа женщины, вдали отъ свѣта, въ тиши захластнаго помѣстья воспитавшей ту геройскую молодежь, которая отъ матерей узнаетъ о погибшихъ отцахъ и, какъ они, увѣруетъ въ свободу,—Короленко съ малыхъ лѣтъ не могъ не впитать въ себя ненависти къ тѣмъ жестокимъ и жесткимъ порядкамъ, которые цѣлый народъ лишаютъ самостоятельности, приносятъ въ жертву алчнымъ аппетитамъ деспотовъ... Сынъ украинца—сынъ народа, не успѣвшего выдѣлится изъ себя еще тунейднаго привилегированнаго сословія, народа, угнетаемаго и какъ нація и какъ низшій классъ, Короленко по самому своему рожденію, по условіямъ, въ которыя съ ранней юности толкнула его судьба, былъ приобщенъ къ міру „униженныхъ и обиженныхъ“...

Еще одна черта... Отецъ В. Г. былъ уѣзднымъ судьей, однимъ изъ тѣхъ судей, которые не снимали повязки съ глазъ Оеимиды, не рабобѣпствовали передъ сильными, не прельщались золотомъ богатыхъ, не приносили своей совѣсти въ жертву своей служебной карьерѣ...

Изо дня въ день черезъ его судейскую камеру проходили цѣлыя вереницы жертвъ соціального строя, „преступниковъ“ съ точки зрѣнія обязательнаго уголовного кодекса,

невинныхъ жертвъ преступнаго строя, съ точки зрѣнія общественной морали... Чуткій, по своему нравственному уровню значительно поднимающійся надъ окружающей средой, отецъ В. Г., которому былъ врученъ мечъ „правосудія“, не могъ не дѣлиться со своей семьей той сердечной болью, какую долженъ былъ испытывать, когда приходилось опускать холодный мечъ кодекса на головы не преступныхъ, а несчастныхъ людей...

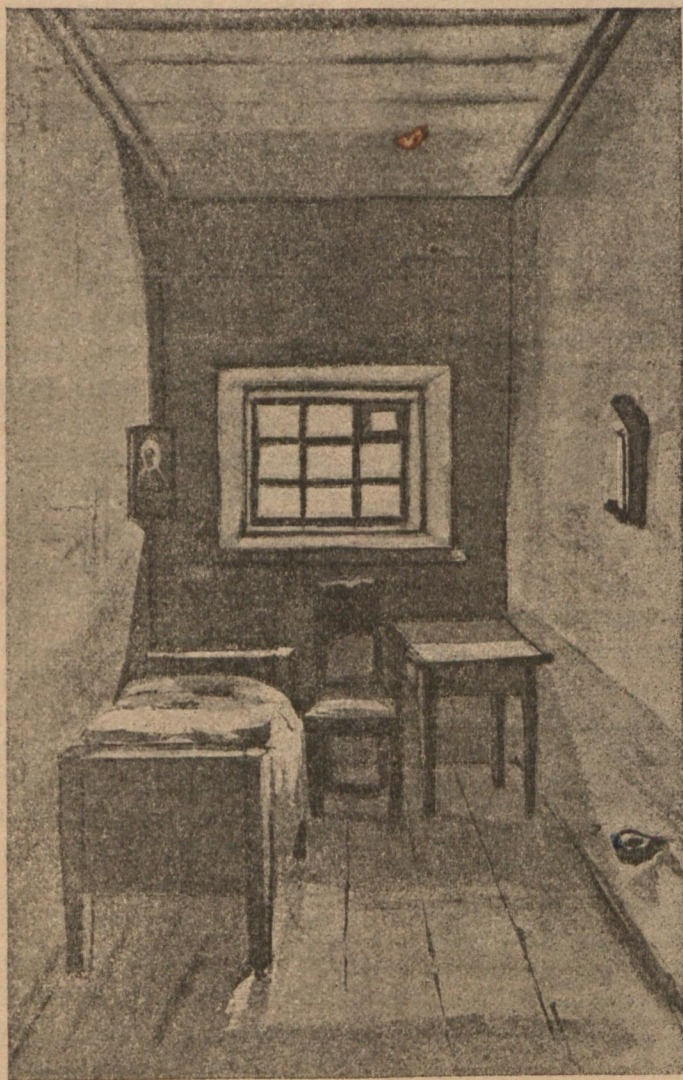
Короленко-ребенокъ впитывалъ въ себя боли обоихъ родителей: матери-польки, оплакивавшей гибель родины и гибель жертвъ, возставшихъ на ея защиту, боль и страданія отца, поставленнаго лицомъ къ лицу съ жертвами соціального строя—и уже тогда всѣ черты будущаго заступника угнетенныхъ были намѣчены...

Еще ребенкомъ онъ, сынъ судьи, сынъ стража закона, не сторонится отъ „дурнаго общества“, наоборотъ, охотно возвращается въ немъ, живетъ съ нимъ одной жизнью, не встрѣчая со стороны отца серьезнаго сопротивленія.

Рожденный и проведенный первые годы жизни, тѣ годы, которые болѣе всего вліяютъ на человѣческую душу, въ такихъ условіяхъ, могъ ли Короленко стать узкимъ націоналистомъ и не подняться до высотъ общечеловѣчества? И могли ли на него дѣйствовать призывы націоналистовъ вспомнить, что онъ „козацкій внукъ и правнукъ вильного козацкаго роду“, уже не говоря о призывахъ челоѣконе-навистниковъ-обрусителей... Могъ ли онъ, перебрасываемый въ дѣтствѣ изъ Житомира въ Дубно, изъ Дубно въ Ровно, видѣвшій въ каждомъ изъ этихъ городовъ тысячи еврейскихъ бѣдняковъ, безъ устали, съ утра до ночи бѣ-

гавшихъ, суевившихся, лишь бы прокормить свои семьи, могъ ли онъ не питать состраданія къ этимъ вѣчно гонимымъ, вѣчно преслѣдуемымъ жертвамъ?

И, наконецъ, могъ ли Короленко, столкнувшійся въ дѣтствѣ съ міромъ воровъ, нищихъ и тѣхъ, впоследствии съ такимъ талантомъ изображенныхъ М. Горькимъ, свихнувшихся людей, сблизившійся съ этимъ „дурнымъ общест-

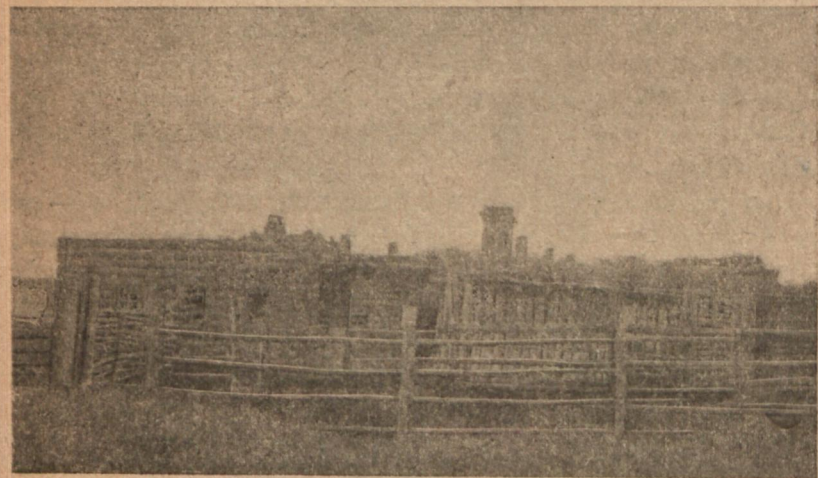

Рисунокъ В. Г. Короленко—Камера въ тамбовскомъ тюремномъ замкѣ 1880 г.

(Къ разсказу „Въ подслѣдственномъ отдѣленіи“).
Изъ собр. О. Д. Батюшкова.

вомъ", мало того, сжившійся съ нимъ и на всю жизнь вынесшій изъ этого міра свѣтлый образъ маленькой мученицы, изъ которой бездушный, холодный, какъ очерствѣлые люди, „камень подземелья“ высосалъ жизнь, могъ ли онъ не стать заступникомъ „униженныхъ и обиженныхъ“, не только стать на почву: „tout comprendre c'est tout pardonner“ — на почву всепрощенія, но и борьбы противъ условій, доводящихъ людей до столкновенія съ закономъ...

Со смертью Николая I не прекратился „николаевскій режимъ“; до начала реформъ шестидесятыхъ годовъ прошло

Юрта Захара Цвекунова, который выведенъ подъ именемъ Макара въ разсказѣ „Сонъ Макара“.

Здѣсь авторъ жилъ въ 1882 году въ слободѣ Амгѣ Якутскаго Округа (неизд.).

еще много времени, а тогда этотъ контрастъ между реальной дѣйствительностью и тѣмъ, до чего уже дошло въ своемъ развитіи русское мыслящее общество, вырисовывался особенно рѣзко... Съ этимъ именно временемъ совпадаютъ первые годы жизни Короленко.

Но и дальнѣйшая его жизнь, словно нарочно, протекала такъ, что стала кузницей, въ которой выковывался мощный желѣзный мечъ будущаго писателя, все его міросозерцаніе, рѣзкой гранью отдѣлившее его отъ міра имущихъ и слившее его навсегда съ міромъ угнетенныхъ.

Короленко было только 15 лѣтъ, когда умеръ его отецъ, и когда благодаря этой смерти семья оказалась безъ всякихъ средствъ. Только и исключительно благодаря матери ему удалось кончить реальную гимназію, не прервать на полусловѣ образованія и не быть изъ-за этого закинутымъ за прилавокъ или за какое-нибудь столъ же подходящее для него занятіе... Вооруженный аттестатомъ гимназіи, Вл. Гал. отправляется въ холодный, непривѣтливый Петербургъ, сходящійся многихъ такихъ, какъ онъ, горячихъ, талантливыхъ, но не обеспеченныхъ матеріально людей... Восемнадцатилѣтній юноша, вынужденный на жесточайшую въ мірѣ борьбу, борьбу за существованіе, Вл. Гал. могъ весьма легко погибнуть... Грошевый обѣдъ былъ въ то время для него такой роскошью, что онъ могъ себѣ ее позволить лишь разъ въ нѣсколько недѣль. Но на стражѣ жизни сына стояла мать... Ей удалось добиться для сына стипендіи въ Петровско-Разумовской академіи, и Вл. Гал. покидаетъ Технологическій институтъ въ Петербургѣ и переезжаетъ въ Москву. Не надолго, однако, судьба улыбнулась Короленко... То было время, когда Александръ II, не подхлестываемый снизу, поворачивалъ руль государственнаго корабля и направлялъ его въ отцовское русло. Начались гоненія, преслѣдованія,

обрушивавшіяся съ особой силой и жестокостью на учащуюся молодежь...

Короленко палъ одной изъ первыхъ жертвъ этихъ репрессій. За подачу отъ имени товарищей коллективнаго прошенія, онъ былъ исключенъ изъ академіи. Это было въ 1874 г. Судьба къ нему еще милостива... Онъ былъ высланъ только изъ Москвы, и то безъ волчьяго билета... Онъ могъ переѣхать въ Петербургъ, могъ даже для продолженія своего образованія поступить въ Горный институтъ, а для того, чтобы не умереть съ голоду, могъ зарабатывать на хлѣбъ насущный корректурной работой... Могъ... но не надолго.

Передъ тогдашней молодежью во всей его остротѣ стоялъ поставленный еще Н. Г. Чернышевскимъ вопросъ: „что дѣлать“? Общество пассивно подчинялось гнету самодержавнаго режима, пролетаріата, какъ класса, еще не было, крестьянство было той спящей царевной, которая должна была пробудиться ото сна, когда этому поспособствуетъ герой - царевичъ... И вотъ роль этого героя - царевича выпала на долю молодежи... Началось движеніе „въ народъ“. Одни уже ушли будить сонное царство, другіе образовывали кружки, готовились и, прежде чѣмъ успѣли претворить слова въ дѣло, попадали въ разставленные имъ царскимъ правительствомъ сѣти. Этой участи не избѣгъ и Вл. Гал... Его ссылаютъ административно сначала въ Вятку, а затѣмъ уже по общему торному пути съ логической неизбежностью то за „отлучку“, то за отказъ отъ присяги по случаю вступленія на престолъ Александра III онъ пересылается все дальше и дальше на сѣверо-востокъ, пока не попадаетъ въ Якутскую область, въ увѣковѣченное имъ Амгинское селеніе — не якутское, а русское якутизированное село...

Много писалось о ссылкѣ въ Якутскую область, но, несмотря на это, многое, весьма многое, осталось невысказаннымъ... Трудно, весьма трудно, изобразить положеніе культурныхъ, интеллигентныхъ людей самой жизнью, въ этой Богомъ забытой, а людьми проклятой странѣ, обреченныхъ на самыя тяжелыя физическія, часто превосходящія ихъ силы работы...

Можно ли безъ содроганія представить себѣ человека типа Короленко, согнутаго надъ квашней и мѣсящаго тѣсто... Или бѣгающаго съ ведрами въ жестокую стужу за водой въ „прорубь“ въ озерѣ, пробиваемую желѣзнымъ ломомъ... Или взбирающагося по шаткой лѣстницѣ на крышу обмерзшей юрты, чтобы закрыть трубу камина-камелька. . . .

Жестокая жизнь, способная убить, если не человека, то его живую мысль...

Короленко былъ какъ бы забронированнымъ отъ этого... Именно здѣсь расцвѣлъ его талантъ.

Онъ еще раньше, до ссылки, дебютировалъ въ „Словѣ“ повѣстью: „Эпизоды изъ жизни искателя“, но этотъ первый опытъ, быть можетъ, съ которымъ онъ безрезультатно обращался въ разныя редакціи, его не удовлетворилъ, и онъ его не включилъ въ собраніе своихъ сочиненій... Къ этому времени относится, какъ кажется, и разсказъ „Чудная“, но всю силу своего таланта Короленко впервые развернулъ именно въ Амгѣ, при тѣхъ невозможныхъ, я бы сказалъ, „нечеловѣческихъ“ условіяхъ, на какіе ссыльные обречены въ Якутской области...

Но этимъ его дѣятельность не ограничивалась. Пишущему эти строки приходилось впоследствии встрѣчать и отдѣльных людей (якутъ Никифоровъ) и цѣлыя семьи (Афанасьевы), которые съ благоговѣніемъ вспоминали о Вл. Гал., и которымъ онъ „привилъ“ общественность, которые,

подъ его вліяніемъ и имѣя его примѣръ передъ глазами, немало потрудились для родного края...

Пребываніе въ ссылкѣ, общеніе съ совершенно новымъ для него міромъ—міромъ инородцевъ съ ихъ своеобразнымъ укладомъ жизни, своеобразной вѣрой и своеобразными понятіями дало Короленкѣ весьма многое. Онъ и здѣсь, въ дикаряхъ, докопался до человѣческой души, до „общечеловѣческаго“... Знакомство болѣе близкое съ „міромъ отверженныхъ“ — привело къ такимъ же результатамъ. И изъ ссылки, въ 1884 г. Короленко уже возвращается, если дозволено такъ выразиться, окончательно сложившимся и оформившимся, во всеоружіи наблюденій и таланта, закаленный, стойкій, непоколебимый.

Царское правительство запрещаетъ Короленкѣ, по его возвращеніи изъ Сибири, поселиться въ столицѣ, либо въ какомъ-нибудь университетскомъ городѣ, и онъ избираетъ мѣстомъ жительства Нижній-Новгородъ... Попечительное начальство и тутъ не оставляетъ его въ покоѣ... Короленкѣ то и дѣло приходится объясняться съ „либеральничавшимъ“ ген. Барановымъ... Но это были лишь мелкіе уколы по сравненію съ уже пережитымъ имъ... Онъ все таки въ центрѣ кипучей жизни... Вокругъ него быстро группируется кружокъ мѣстной интеллигенціи... Вл. Гал. съ головой погружается въ жизнь и даритъ обществу одинъ за другимъ цѣлый рядъ произведеній своего многограннаго таланта... Онъ изучаетъ малѣйшую извилину жизни, идетъ вмѣстѣ съ богомольцами за иконой, пробирается въ хижины павловскихъ кустарей, отправляется въ Ветлужскій край къ Святому озеру, въ невидимый, но боготворимый раскольниками Китежъ-градъ, а когда надъ Россіей разражается гроза голода, онъ бросаетъ все и съ той желѣзной энергіей, какую воспитала въ немъ жизнь, принимается за организацію столовыхъ, борясь на каждомъ шагу съ тѣми препятствіями, какія ставила этому бюрократія, лишь бы, хотя бы цѣной жизни сотенъ людей, сохранить ту Китайскую стѣну, какую она воздвигла между народомъ и интеллигенціей...

Въ этотъ періодъ времени Короленко—народникъ, но народникъ не типа Н. Златовратскаго—„елейный“, какъ тогда формулировали, а видѣвшій крестьянство такимъ, какъ оно было,—уже порой выносить изъ своихъ скитаній „тяжелыя, нерадостныя впечатлѣнія“, онъ чувствуетъ себя, „точно въ душномъ склепѣ“, ему мерещатся уже порой „заупокойныя молитвы надъ уснувшей навѣки народной мыслью“. Но, сынъ своего времени, всѣмъ своимъ существомъ выросшій въ народническую почву, изслѣдовавшій бытъ и крестьянъ, и казаковъ, и раскольниковъ-старовѣровъ, и мятущихся искателей Бѣловодья, побывавшій и въ Сибири, и во всемъ Поволжьи, и на Уралѣ, а впослѣдствіи и въ Румыніи и въ Америкѣ, проникавшій всюду, гдѣ забрасывала судьба русскаго простолюдина, Короленко словно прошелъ мимо, словно не замѣтилъ народившійся за время его скитаній рабочій классъ—тотъ слой народа, гдѣ „мысль“ не только не засыпала, но, наоборотъ, съ силой рвалась впередъ, будя дремавшихъ, расшевеливая уставшихъ, утомленныхъ...

Soeculi vitia—non hominis... Это недостатокъ времени, не человѣка... Но говоря о творчествѣ Вл. Гал. Короленко, нельзя не отмѣтить, что рабочему классу онъ въ своихъ произведеніяхъ не отвелъ того мѣста, какое этотъ классъ успѣлъ себѣ уже завоевать въ общественной жизни... Благодаря этому такъ и остался безъ отвѣта вопросъ, поставленный въ одномъ изъ рассказовъ изъ волжской жизни: „На солнечномъ затменіи“:

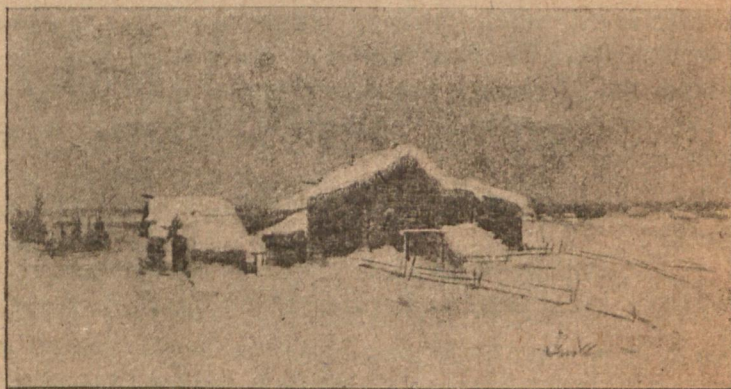
— „Когда же окончательно разсѣется тьма народнаго невѣжества?“

И какъ публицистъ,—а въ этотъ періодъ времени Короленко не мало посвящалъ времени и газетной работѣ,—и какъ художникъ, и какъ общественный дѣятель—не политическій, а именно общественный—Короленко всецѣло примыкалъ къ тому теченію, которое вывѣсило, какъ знамя, „служеніе интересамъ народа и интересамъ свободно развивающейся личности“. Классовая борьба, научный социализмъ, уже тогда отвоевывавшій себѣ въ Россіи почетное мѣсто, въ Короленкѣ не нашелъ отклика... Отзывчивый на всѣ явленія жизни, бросившій въ 1893 г. перо, чтобы всецѣло отдаться кормленію голодающихъ крестьянъ, Короленко на борьбу рабочаго класса не отозвался.

Годъ спустя послѣ голода 1893 г. Короленко отправляется въ Англію и Америку... Это уже не безвѣстный Короленко, который когда-то, по волѣ могучей бюрократіи, отправлялся въ страну изгнанія. Въ 1894 году его имя уже извѣстно по его произведеніямъ всему цивилизованному міру... Въ Америкѣ, независимо отъ этого, о Короленкѣ знали по произведеніямъ Дж. Кеннана.

Пріѣздъ великаго писателя, признаваемаго въ Россіи за „государственнаго преступника“, былъ для Америки цѣлымъ событіемъ. Одинъ изъ пріятелей Вл. Гал. рассказывалъ мнѣ, что тотчасъ послѣ пріѣзда Короленко его, какъ мухи, облѣпили репортеры и интервьюеры и, какъ ни отбояривался отъ нихъ Вл. Гал., они все же на слѣдующій день ухитрились напечатать въ газетахъ сенсаціоннѣйшія статьи о Россіи, по американски сдобривая каждое сказанное имъ слово... Правда и небылицы были такъ переплетены другъ съ другомъ, что никто на свѣтѣ не былъ бы въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончался рассказъ Короленко, и начинались измышленія репортеровъ...

Короленко попытался было въ нѣкоторыхъ редакціяхъ настоять на внесеніи нѣкоторыхъ коррективовъ, причемъ указалъ на то, что такія сообщенія не совсѣмъ безопасны для русскаго подданнаго, отнюдь не желающаго изъ-за этихъ сенсацій быть лишеннымъ возможности вернуться на родину. Но результатъ этихъ попытокъ Короленко былъ

Выселки „Березовскіе починки“, Вятской губ., гдѣ В. Г. Короленко жилъ въ ссылкѣ.

Собств. рисунокъ В. Г. Короленко.
Изъ собр. О. Д. Батюшкова.

прямо противоположный тому, какой имѣлъ въ виду Влад. Гал. Въ газетахъ появились новыя статьи подъ заглавіемъ „Терроръ кроваваго царя!“ „Даже въ Америкѣ русскому нельзя говорить правды!“ и т. д., причемъ падкіе на сенсаціи американскіе журналисты указанія Короленко на небезопасность для русскаго такихъ сенсаціонныхъ статей не преминули изобразить въ ужасающихъ краскахъ и тонахъ..

Въ результатъ Короленкѣ при возвращеніи пришлось таки имѣть объясненіе съ департаментомъ полиціи...

По возвращеніи изъ Америки, въ 1895 г., Вл. Гал. окончательно входитъ въ составъ редакціи „Русскаго Богатства“ и этого поста не покидаетъ до самой революціи. Проматривая этотъ журналъ за всѣ эти годы, приходится отмѣтить: Вл. Гал-чу публицистика не мѣшала быть поэтомъ, а поэзія быть публицистомъ. Его обзоры русской жизни, веденные и самостоятельно и совмѣстно съ Анненскимъ и тогда отмѣчаемые инициалами „О. Б. А.“ (оба), откликаются на всѣ болѣе вопросы печальной русской дѣйствительности... Но Вл. Гал. не только обозрѣватель. Онъ редакторъ. И это замѣтно и на содержаніи журнала, и на „структурѣ“ каждой книжки, и по именамъ тѣхъ лицъ, которыя отовсюду сбѣгаются подъ одну крышу... Журналъ не только сохраняетъ фizioномію, какую ему придали Н. К. Михайловскій, Щедринъ-Салтыковъ, Гл. Успенскій, С. Южакъ, но его обликъ становится еще болѣе яркимъ отъ притока силъ съ востока, привлеченныхъ цѣльнымъ и ярко обрисованнымъ редакціоннымъ составомъ. Въ это время встрѣчаются на столбцахъ журнала имена покойныхъ: Гоца-Рафаилова, Якубовича-Мельшина, Гарденина-Чернова и др... Вышедшіе изъ Шлиссельбурга В. Фигнеръ, Новорусскій здѣсь равнымъ образомъ находятъ литературное пристанище. Здѣсь же, подъ крышей Русскаго Богатства, съ теченіемъ времени, организуются въ партію „народные социалисты“ (Пѣшеховъ и друг.). Журналъ становится энасо-эсеровскій. Самъ Короленко, не политическій, а общественный дѣятель, оставаясь во главѣ журнала, не прекращаетъ своей публицистической дѣятельности и въ органахъ другого направленія, но не правѣе „Русскихъ Вѣдомостей“, какъ бы подчеркивая, что онъ не членъ опредѣленной партіи, а членъ всей революціонной демократіи, ибо объективно до революціи „Русскія Вѣдомости“ также къ этой демократіи причислялись, и въ нихъ работали даже теперешніе „коммунисты“, какъ Ларинъ и друг.

Въ качествѣ редактора, Короленкѣ пришлось, какъ и всякому русскому редактору, увѣ, не только тогда, но и теперь, не разъ попадать на скамью подсудимыхъ... Одинъ изъ этихъ случаевъ имѣетъ символическій характеръ. Короленко былъ привлеченъ къ отвѣтственности за напечатаніе въ „Русскомъ Богатствѣ“ разсказа Л. Н. Толстого, въ чемъ было усмотрѣно „дерзостное неуваженіе къ верховной власти“...

На судѣ Короленко не защищался... Онъ перешелъ въ нападеніе:

— Г.г. судьи!—заявилъ онъ.—Если вы посмотрите напечатанную въ „Русскомъ Богатствѣ“ статью Л. Н. Толстого,

вы увидите, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ она испещрена многоточіями. Это мнѣ, писателю, и моимъ товарищамъ по редакціи выпало на долю... цензурировать разсказъ гениальнаго русскаго художника. И, еслибы въ заграничныхъ газетахъ появилась телеграмма о томъ, что редакторъ журнала преданъ суду за помѣщеніе съ купюрами разсказа Толстого, то очень вѣроятно, что заграничные писатели увидѣли бы преступленіе не въ томъ, что этихъ купюръ оказалось недостаточно, а въ томъ, что я осмѣлился посягнуть на произведеніе гения... У насъ другія условія“...

Судъ оправдалъ Короленку. На этотъ разъ Вл. Гал—удалось отстоять хоть относительную свободу слова... Но, увѣ, только на этотъ разъ и только относительную. Возглавляемое имъ „Русское Богатство“ систематически подвергалось гоненіямъ и въ концѣ концовъ вынуждено было появляться подъ иными названіями. Революція не принесла и въ этомъ отношеніи избавленія. Короленкѣ за послѣдніе мѣсяцы вновь пришлось испытать прелесть цензурскихъ купюръ, прелесть отношеній новаго режима и къ прессѣ и къ писателямъ. Но отношеніе къ прессѣ только одно изъ проявленій режима, а дѣятельность Короленко не ограничивалась лишь одной литературной дѣятельностью. Онъ борется повсюду, гдѣ царитъ гнетъ. Выступаетъ на защиту вотяковъ, обвиненныхъ въ „ритуальномъ убійствѣ“, борется съ обвиненіями евреевъ въ аналогичныхъ убійствахъ, бросаетъ свое „J'accuse“ — „Я обвиняю!“ кровавымъ исполнителямъ вельннн режима, какъ Филоновъ и т. д., и т. д. Какъ извѣстно, Филоновъ вскорѣ былъ убитъ членами партіи с.-р. Короленко ничего общаго съ этимъ убійствомъ не имѣлъ. Онъ своимъ письмомъ уже наказалъ Филонова, но, наказывая, онъ зналъ, что его за это ожидаетъ... Зналъ, но придерживался всегда девиза, формулированнаго П. Ф. Якубовичемъ въ четверостишіи:

„Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ рабомъ,
Чѣмъ быть свободнымъ человѣкомъ
И упираться въ стѣну лбомъ,
Не смѣя спорить съ рабскимъ вѣкомъ!“

Собственно говоря, этотъ именно девизъ связываетъ и объединяетъ всю революціонную демократію... Этимъ именно, несмотря на внутреннія различія, разбивающія ее на партіи и фракціи, даже борющіяся другъ съ другомъ, эта демократія отличается отъ противоположнаго лагеря—лагеря приспособляющихся, лагеря „умѣренныхъ и аккуратныхъ“.

Этимъ и объясняется, почему юбилей Короленко празднуется всей революціонной демократіей, какъ ея праздникъ!

К. О. Н.

Что это?

Есть всемирно известная драма Гуцкова — „Уриэль Акоста“, а въ этой драмѣ есть персонажъ, называемый Бенъ-Акиба... Это старый еврей, котораго долгая жизнь и изученіе прошлаго снабдили печальнымъ опытомъ. Что бы ни рассказали ему, какія бы дѣйствительность ни раскрывала новыя формы преслѣдованій, издѣвательства, ошибокъ, грѣха, обманутыхъ надеждъ, — Бенъ-Акиба только киваетъ съдой головой и говоритъ:

— Бывало это уже, бывало... Всяческое бывало...

И у него всегда готовъ примѣръ изъ прошлаго, изъ котораго ясно, что то самое явленіе, которое поражаетъ другихъ, какъ горестная новость, случалось тогда-то и тогда-то, въ томъ же или подобномъ же видѣ...

Есть и другое символическое лицо во всемирной литературѣ. Это пророчица Кассандра, дочь Пріама. Она была надѣлена свыше печальнымъ даромъ предвидѣть грядущія бѣдствія. Эти два образа связаны нѣкоторой идейной связью: Кассандра предвидѣла печаль будущаго, — Бенъ-Акиба извлекалъ его изъ прошлаго. А прошлое связано съ будущимъ, какъ причина и слѣдствіе...

Эти мысли невольно приходятъ мнѣ, старому журналисту, въ голову, когда я смотрю на то, что происходитъ теперь со свободой печати вообще, въ частности, у насъ въ

Примѣчаніе редакціи: (Эта статья В. Г. Короленко, написанная въ іюнѣ текущаго года, испытала на себѣ тяжесть современныхъ политическихъ условій. Она была сдана въ печать для полтавской газеты „Вольная Мысль“. Здѣсь она была до неузнаваемости изуродована цензурой. Позже нѣкоторыя части статьи были воспроизведены въ „Кіевской Мысли“. Имѣя въ рукахъ рукописный оригиналъ статьи, мы можемъ, такимъ образомъ, дать ея полный, ничѣмъ неиспорченный текстъ. Несмотря на то, что статья написана по данному случаю, она имѣетъ широкій общій интересъ, тѣмъ болѣе значительный, что она иллюстрируетъ собой политическія настроенія В. Г. Короленко въ настоящее время).

Полтавѣ, что наконецъ произошло въ самое послѣднее время съ газетой „Вольная Мысль“... Была у насъ сначала „Наша Мысль“. Ее смѣнила потомъ „Свободная Мысль“, потомъ явилась ей на смѣну „Вольная Мысль“. И вотъ сегодня, когда я пишу эти строки, номеръ „Вольной Мысли“ вышелъ съ зловѣщими бѣлыми полосами... Бенъ-Акиба сказалъ бы: — Это уже бывало. Бывало не очень давно: при царскомъ правительствѣ. Газеты такъ же мѣняли клички, такъ же на нихъ являлись пробѣлы, точно оспенные знаки... И въ концѣ концовъ непріятныя газеты погибали... Бывало и послѣ этого: пришло время большевизма, явились цензоры Городецкіе, смѣшные, неумѣстные, но рѣшительные... Да, всяческое бывало!..

Мнѣ приходилось порой выступать въ „Мысляхъ“ (съ разными прилагательными) не потому, чтобы я раздѣлялъ взгляды той группы, которая собралась подъ этимъ знаменемъ. Но ходъ нашей своеобразной революціонной общественности привелъ къ тому, что органъ объединенныхъ социалистовъ смѣлѣе и прямѣе другихъ стоялъ за право и за возможную степень законности въ наше бурное время, а также искалъ опоры въ идеѣ самоуправленія. А по моему глубокому убѣжденію — право и самоуправленіе — единственные надежные якоря, на которыхъ еще можетъ укрѣпиться ладья нашей общественности, носящаяся по волѣ бурныхъ и непостоянныхъ вѣтровъ. Поэтому газета, которая уже среди свирѣпыхъ нелѣпостей большевизма смѣло говорила о правѣ, требовала введенія законности и апеллировала къ самоуправленію, дѣлала на мой взглядъ какъ разъ то дѣло, которое теперь является наиболѣе живымъ и нужнымъ. И среда, къ которой она обращалась преимущественно, какъ газета социалистическая, — среда рабочихъ — была какъ разъ та среда, въ которую проводить эти идеи особенно благотворно и полезно, — при условіи, конечно, что при этомъ принимается во вниманіе и ея право. Всякое право заслуживаетъ этого названія только тогда, когда оно равно для всѣхъ. Иначе — это не право, а только привилегія...

II.

Что же значать эти пустыя поля на сегодняшнемъ номерѣ газеты, и что это ей предвѣщаетъ? Значить ли это, что и новое правительство уже вступило на старый путь, и что социалистическая газета уже обречена на гибель?..

Это уже было,—говорятъ намъ Бенъ-Акибы... При павшемъ царскомъ правительствѣ социалистическія газеты не допускались вовсе. Правда—сенатъ призналъ однажды не-правильнымъ распоряженіе тогдашней Кіевской администраціи, неразрѣшившей газету лишь потому, что она открыто выступала, какъ „органъ социалистической мысли“. Но это была лишь сенатская теорія... А административная практика приводила къ тому, что... тотчасъ по возникновеніи „органы социалистической мысли“ принуждены были мѣнять клички и—быстро погибали... Кассандры того времени говорили, что это, при неизбѣжномъ ростѣ новой общественной силы,—рабочаго класса—прямо гибельно для слѣпотствующаго самодержавнаго строя. Ихъ не слушали. А между тѣмъ,—гдѣ зародилось ленинство всякаго рода, какъ не въ атмосферѣ постоянныхъ преслѣдованій и вытекающей изъ нея—подпольности?..

Эти ошибки уже бывали,—говорили Бенъ-Акибы... И они грозятъ гибелью,—прибавляли Кассандры... Сдѣлайте же изъ этого выводъ,—говоримъ мы теперь новой власти...

III.

Мнѣ, быть можетъ, скажутъ: но вѣдь газета еще не закрыта. Она,—слава те, Господи,—сегодня появилась, хотя изъязвленная слѣдами цензуры...

Да, это такъ.. И это тоже бывало. Предварительная цензура—явленіе, имѣющее солидное прошлое. Она существовала въ Россіи (несмотря на общее признаніе ея нелѣпости) вплоть до 1905 года, когда, по рѣшенію редакцій газетъ и журналовъ *всѣхъ направленій*, рухнула „явочнымъ порядкомъ“, потому что всѣ столичныя органы печати перестали посылать въ цензуру свои экземпляры...

Итакъ, „это бывало“, и предписаніе губерніальнаго старосты С. С. Иваненка о томъ, что отнынѣ „Вольная Мысль“ должна подвергаться предварительному просмотру—новостью отнюдь не является... Но ее сопровождаютъ нѣкоторыя очень характерныя особенности, которыя вызываютъ невольный вопросъ: что это—только (!) цензура? Или это

первый шагъ, чтобы задушить газету социалистическаго направленія?..

Самой характерной изъ такихъ черточекъ является требованіе, предъявленное редакціи,—доставлять сверстанный номеръ на просмотръ руководителю цензуры г-ну Ногѣ—не позже 8 часовъ вечера... И это для ежедневной газеты (!), которая вся живетъ трепетаніемъ дня, которой воистину довлѣетъ только „злоба его“... Когда же она должна составляться, чтобы быть представленной на благосклонное цензорское воззрѣніе? За два дня до выхода?.. Очевидно, для новой мѣстной власти цензура—дѣло совершенно незнакомое. Съ точки зрѣнія газетной техники, по самому существу, наконецъ, газетнаго дѣла требованіе г-на Ноги является воистину или издѣвательствомъ (если онъ знаетъ дѣло, которымъ берется руководить), или прямой несообразностью съ сущностью дѣла... Выбора болѣе подходящаго эпитета не предстоитъ. *Tertium non datur*... Въ Полтавѣ есть и другія газеты... Кто же будетъ читать газету, запаздывающую со всѣми свѣдѣніями ровно на сутки...

Увы! И это,—говорю я, какъ Бенъ-Акиба,—тоже бывало. Мнѣ приходилось когда-то работать въ приволжской прессѣ и видѣть разныхъ цензоровъ и разные порядки... Былъ тамъ, между прочимъ, и такой цензоръ, который нашелъ для себя наиболѣе удобнымъ не работать въ поздніе часы, поэтому онъ распорядился присылать ему послѣднія гранки—правда, не къ 8 ми часамъ, какъ хочетъ г. Нога,—а къ 10-ти... Газеты жаловались. И представьте, даже тогда, при министрѣ, кажется, Дурново цензору было указано, что его требовательность излишня, такъ какъ сущность ежедневной прессы—быстрота и ежедневность, которая не можетъ обойтись безъ ночного труда... Цензура есть все таки только цензура, а не убійство газеты...

Бывало, правда, и прикрытое цензурой убійство. Бывало, что жалобы на такія распоряженія оставались втунѣ... Бывало даже, что цензура, на примѣръ, Смоленской или Владимірской газеты переносилась... въ Москву, и конечно газета погибала... Понятно, что это было лишь издѣвательство и лицемѣрное злорадство:—„Мы не закрываемъ газету... Она можетъ выходить, если пожелаетъ... Мы ее только цензуруемъ по своему“... Очевидно, прямо убивать органы печати—даже и тогда порой стыдились...

В. Короленко.

На пристани.

(Неизданный отрывокъ В. Г. Короленко. Изъ путевого альбома).

МЫ пришли на пристань въ часъ ночи. До парохода долго. Снизу, вдали мелькаетъ огонекъ надъ желтымъ яромъ, неясно, далеко. Это идетъ „Ока“. Нашъ пароходъ „Удачный“ долженъ придти сверху, и ранѣе „подастъ голосъ“ за семь верстъ, въ Варезѣ. Каюта занята сплошь. На скамьяхъ навалены узлы и мѣшки. Черный еврей, котораго я въ понедѣльникъ видѣлъ на скупкѣ, теперь спитъ, прислонясь къ мѣшкамъ, на скамьѣ. Я располагаюсь снаружи, на палубѣ. Сверху легкій свѣжій вѣтеръ дуетъ по ночамъ. Передъ глазами, за обрѣзомъ пристани разстилается рѣка. Есть что-то особенное въ ея чуть свѣтлѣющей глади. Чувствуется ночной бѣгъ, движеніе, невидимое глазу, а дальній берегъ чуть брежитъ, сливаясь съ сѣровато-синей ночной далью. Малая Медвѣдица свѣсилась какъ разъ надъ серединой рѣки, и ея отраженіе то слегка растягивается невидимо бѣгущей волной, то совсѣмъ исчезаетъ. Я погружаюсь въ дремоту, изъ которой меня вывести тихій разговоръ.

— Колесы стучать,—радостно говоритъ паренъ, давно, еще съ вечера ожидающій на пристани.

Женщина и другой мужчина прислушиваются.

— Каки колесы! Это волна на носу плещетъ.

Они переходятъ на носъ и наклоняютъ головы.

— Нѣ-ѣ-тъ,—говоритъ баба. Бочата эти пущены на воду. Они бурлятъ.

— Мельница это, верстахъ въ четырехъ.

Мои ноги совсѣмъ холодно. Я встаю и хожу взадъ и впередъ по палубѣ. Пароходъ подъ яромъ ближе. Выдѣляются ясно три огонька, но они будто стоятъ на

мѣстѣ. По водѣ идутъ чуть замѣтныя полоски. Небо надъ горизонтомъ посвѣтлѣло, и откуда-то падаютъ на рѣку красноватые и зеленоватые чуть замѣтныя отсвѣты...

— Слышь, голосъ подаетъ...

Въ публикѣ движеніе. Потомъ тишина. Сверху, гдѣ рѣка чуть блистаетъ синей излучиной изъ-за горы, доносится дальній свистокъ, такой же неясный, какъ эти красноватые отсвѣты на рѣчной глади...

— Ну, скоро теперь.

Между тѣмъ, низовый пароходъ тоже выдѣляется, гдѣ темная полоса берегового яра, и, какъ-то внезапно выплывъ на свѣтлую поверхность, растетъ, плясая огнемъ и отхватывая съ каждымъ ударомъ колесъ громадное разстояніе.

— Берегись, ударить „качалкой“.

Волна качаетъ нашу пристань, проплываютъ окна, въ которыхъ мелькаютъ спящіе каютные пассажиры, скрипитъ сосѣдняя небольшая пристань, что-то трещитъ, стучитъ, колеса хлопаютъ заднимъ ходомъ. Висящая въ воздухѣ лодка вырѣзывается темнымъ острымъ силуэтомъ надъ линіей противъ берега и подается на носъ...

Черезъ минуту уже стучать по мосткамъ тяжелые шаги грузчиковъ. Хлопаютъ на полъ мѣшки; пѣтухи въ клѣткахъ около паровой кухни хрипло поютъ, хлопая крыльями...

Рѣка свѣтлѣетъ, Медвѣдица меркнетъ вверху, а купола церкви на Павловскихъ горахъ врѣзаются причудливыми шариками, точно четки, на ясномъ небѣ, на которомъ разгорается заря.

В. Г. Короленко.

Изъ воспоминаній о В. Г. Короленко.

ТЕПЕРЬ, когда имя Влад. Галакт. Короленко у всѣхъ на устахъ; когда въ Россіи почти нѣтъ грамотнаго человѣка, который бы его не читалъ и о немъ не слышалъ; когда передъ великимъ писателемъ почтительно склоняетъ голову и другъ и недругъ, мнѣ невольно вспоминается давно-давно минувшее время, когда я впервые только услышала о немъ и потомъ увидѣла его.

Весною 80-го года я пріѣхала въ Петербургъ. Влад. Галакт. незадолго передъ тѣмъ былъ высланъ то ли въ сѣв. губерніи, то ли въ Зап. Сибирь, а жившая въ Петербургѣ его молоденькая сестра, буквально боготворившая брата, распространяла въ рукописи рассказъ его „Чудная“, и этотъ рассказъ попалъ ко мнѣ съ комментаріями, конечно,—что написалъ его политическій ссыльный Короленко; что напечатать этого рассказа нельзя по цензурнымъ условіямъ и т. д. На меня, молоденькую тогда дѣвушку, только что пріѣхавшую изъ провинціи, рассказъ, можетъ быть въ слѣдствіе этихъ комментаріевъ произвелъ, я помню, глубокое впечатлѣніе. Содержаніе его, послѣ столькихъ лѣтъ, не сохранилось въ моей памяти. Помню только, что рассказъ ведется отъ лица жандарма, отвозившаго въ ссылку какую-то барышню, очень „чудную“, по его выраженію, но это „чудная“ въ рассказѣ жандарма не имѣетъ отрицательнаго значенія, наоборотъ, онъ относится къ дѣвушкѣ съ большой теплотой.

Лично познакомиться съ Влад. Галакт. мнѣ пришлось нѣсколько лѣтъ спустя, зимой 84 года. Я жила тогда на поселеніи въ Верхоленскѣ, Иркутской губерніи, а онъ возвращался на родину изъ ссылки въ Якутской Области. Еще задолго до его проѣзда мы знали,—какъ всегда, когда долженъ былъ проѣхать кто-нибудь изъ товарищей,—что долженъ проѣхать Короленко. вмѣстѣ съ извѣщеніемъ объ этомъ намъ сообщали, что Короленко везетъ съ собою написанный имъ рассказъ „Сонъ Макара“, прочитанный имъ уже товарищамъ въ Якутскѣ, Олекминскѣ и Киренскѣ, и приведшій ихъ всѣхъ въ восторгъ.

Среди Верхоленскихъ ссыльныхъ находилось тогда нѣсколько человѣкъ личныхъ пріятелей Короленко, которые знали его по пересыльной тюрьмѣ, гдѣ они вмѣстѣ сидѣли по дорогѣ въ ссылку. Это были Здановичъ, Кленовъ и Сыцяно (всѣ уже нынѣ умершіе). Всѣ они отзывались о немъ съ восхищеніемъ, и они-то, конечно, особенно его поджидали. Когда онъ къ намъ, наконецъ, пріѣхалъ, они, послѣ обычнаго продолжительнаго сибирскаго чаепитія, сейчасъ

же стали просить его прочесть намъ свой рассказъ. Но Вл. Гал. прямо взмолился: „Ей-богу, господа, не могу: я ужъ столько разъ читалъ его, что онъ мнѣ надоѣлъ. Прочту вамъ лучше другой: „Убивецъ“, а „Сонъ Макара“ вы ужъ потомъ сами какъ-нибудь прочтете“.

Прочиталъ онъ намъ рассказъ; читалъ онъ просто, тихимъ, ровнымъ голосомъ, безъ пафоса и безъ того ожиданія похвалы, которое часто замѣчается у читающихъ свое произведеніе авторовъ, и которое всегда какъ-то стѣсняетъ слушателя. Тутъ совсѣмъ не чувствовалось, что это читаетъ самъ авторъ, и каждый совершенно свободно высказывалъ свое сужденіе. При этомъ меня поразила одна подробность: замѣчаніе каждаго Влад. Гал. выслушивалъ такъ, какъ будто тутъ собрались присяжные критики, и безъ труда соглашался измѣнить, исправить въ рассказѣ указанныя погрѣшности и т. д. Онъ вычеркнулъ даже цѣлую сцену, когда Здановичъ заявилъ ему, что эта сцена совершенно вводная, лишняя и только напрасно удлинняетъ рассказъ. Напротивъ, когда я, будучи совершенно несогласна съ Здановичемъ, попробовала ее защитить, Влад. Гал. заявилъ, что отрицательное отношеніе друзей, вѣроятно, болѣе справедливо.

Ни малѣйшаго авторскаго самолюбія, ни самомнѣнія не было въ немъ ни слѣда.

На слѣдующій день Влад. Гал. отправился дальше, успѣвъ за короткое время пребыванія въ Верхоленскѣ всѣхъ насъ очаровать.

Съ тѣхъ поръ я больше его не видала и сохранила его въ памяти такимъ, какимъ онъ былъ тогда. Нынѣ, когда я гляжу на его портретъ, представляющій его старикомъ, мнѣ какъ-то не вѣрится, что прошло ужъ такъ много времени съ тѣхъ поръ, и что это тотъ самый Короленко. Онъ, впрочемъ, еще тогда говорилъ намъ, что онъ ужъ не молодъ; что онъ идетъ ужъ „подъ гору“, т. к. ему ужъ кончилось тридцать лѣтъ, а человѣкъ, молъ, только до этого возраста поднимается въ гору, а потомъ начинается уже спускъ. До тридцати лѣтъ, пока человѣкъ не дошелъ до вершины, жизнь кажется заманчивой, ну, а дошелъ.... спускъ уже менѣе интересенъ.

Да, спускъ не интересенъ, но Влад. Гал. тѣмъ и великъ, и дорогъ намъ всѣмъ, что онъ не спускался, а шелъ все выше и выше.

Христина Гринбергъ-Конъ.

== ПЕРИОДИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ ==
ОРГАНЪ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.

„ЮЖНОЕ ДѢЛО“.

Издается при ближайшемъ участіи М. БАЛАБАНОВА, Г. НАУМОВА и С. СУМСКАГО.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу первый сборникъ.

Содержаніе: Г. В. Плехановъ.—Г. Наумовъ. Г. В. Плехановъ.—П. Юшкевичъ. Война, какъ соціально-психологическое явленіе.—С. Сумскій. Соціальная революція и научный соціализмъ.—І. Ходоровъ. Опытъ соціализаціи земли на Украинѣ.—Л. Фрей. Денежное обращеніе на Украинѣ.—С. Цукублинъ. Перспективы донецкой каменноугольной промышленности.—Е. Шатанъ. Организація капитала и тактика труда.—М. Балабановъ. Великая Украина (Оріентація и мечтанія М. С. Грушевскаго).—ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ: М. Б-овъ. Снова на ущербѣ.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: С. С-скій. Германія и Украина.—БИБЛІОГРАФІЯ. Портретъ Г. В. Плеханова.

Цѣна сборника, вышедшаго въ двойномъ объемѣ, 5 руб.

Р е д а к ц і я:

Кіевъ, Мар.-Благовѣщенская, 112.

Г л а в н а я к о н т о р а:

Харьковъ, Пушкинская, 1. Культурно-Просвѣт.
Орган. „Трудъ“.

(Адресъ для писемъ: Харьковъ, Пассажъ, почт. ящ. 288).

Цѣна пая 100 руб.

ВОЗОБНОВЛЕНА ПОДПИСКА

Цѣна пая 100 руб.

НА ПАИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“.

Профессіональные союзы и рабочія организаціи могутъ пріобрѣтать пай въ издательствѣ и конторѣ газеты „ГОЛОСЪ ЮГА“. Частныя лица подаютъ предварительно заявленіе на разсмотрѣніе правленія.

ИЗДАНІЯ „СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ“:

- 1) Ежедневная большая соціаль-демократическая газета „ГОЛОСЪ ЮГА“.
- 2) Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ „КОЛОСЬЯ“.
- 3) Журналъ Областного союза рабочихъ Горнаго Труда „ГОРНОТРУДЪ“.
- 4) Журналъ Харьковск. Совѣта Професс. союзовъ „ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“.

- 5) Двухнед. научно-публицистич. журн. Обл. Ком. Дон. и Криворожск. Бас. и Харьк. Комит. Р. С.-Р. П. „ПУТЬ БОРЬБЫ“.
- 6) Журн. Обл. союза Химиковъ и Стекольщиковъ „ЮЖНЫЙ ХИМИКЪ и СТЕКОЛЬЩИКЪ“.
- 7) Органъ Краевого Бюро Союза рабочихъ-металлистовъ „ГОЛОСЪ МЕТАЛЛИСТА“.
- 8) Научно-обществен. журн. Професс. союза врачей г. Харьк. и Харьк. губ. „ВРАЧЕБНОЕ ДѢЛО“.

Цѣна пая 100 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПО 25 РУБ.

Цѣна пая 100 руб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированн. литературно-художественн. еженед.

„КОЛОСЬЯ“

издаваемый при участіи Союза Интернаціоналистовъ Дѣят. Искусства.

Въ журналъ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“ Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городской Управы.

Пріемъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ въ понедѣльникъ и среду отъ 11 до 12 час. дня.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна 2 руб.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ